

ОЛЕГ ШОВКУНЕНКО

ОРУЖЕЙНИК

ПИЛИГРИМЫ ПРОКЛЯТЫХ
ЗЕМЕЛЬ

Олег Шовкуненко

**Оружейник. Пилигримы
Проклятых земель**

«Издательские решения»

Шовкуненко О.

Оружейник. Пилигримы Проклятых земель / О. Шовкуненко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515339-5

Договор с Создателями заключен, а значит группу полковника Ветрова ожидает рейд в глубь Проклятых земель. Лишь отчаянные смельчаки захаживали в это смертельно опасное место, но и они промышляли лишь возле самых границ зоны, даже не помышляя о том, чтобы заглянуть в ее сердце. Но у Ветрова нет выбора. Только там, в царстве аномалий, странных, непознанных, враждебных форм жизни спрятан инопланетный модуль. Отыскать его — значит получить надежду на выживание для всего обреченного человечества. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-515339-5

© Шовкуненко О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	42
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Оружейник Пилигримы Проклятых земель

Олег Шовкуненко

© Олег Шовкуненко, 2020

ISBN 978-5-0051-5339-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Глядя сквозь разукрашенное грязными разводами бронестекло водительского смотрового люка, я вдруг заметил, что пейзаж за бортом подозрительно посветлел, будто подсвеченный одной мощной фотовспышкой, а затем стал мелко и судорожно подрагивать. Если непонятку с освещением еще кое-как можно было списать на внезапно да негаданно поредевшие облака, то вот вибрацию... К раскачиванию мчащегося по разбитой дороге БТРа она явно не имела ни малейшего отношения. Это было нечто совсем иное... странное... По спине мигом побежал ледяной холодок.

– Твою же мать... неужто попали?! – прошептал я себе под нос, начиная догадываться о том, что произойдет всего через несколько секунд.

Когда стрелки на приборах неистово задержались, а по рукояткам и рычагам заплясали юркие ослепительно белые молнии электрических разрядов, сомнений не осталось, мы действительно угодили в «сварку». Первым, чисто инстинктивным движением стал удар по тормозам. «302-ой» заскрипел, завизжал, застонал, но быстро и послушно остановился. Тяжелая машина еще не выровнялась после резкого торможения, а я уже со всей возможной поспешностью и энтузиазмом вминал кнопку пуска энергетического щита.

Система включилась. Я понял это, как по индикации на панели управления, так и по характерному, хорошо знакомому гулу. Да только вот беда, гул этот категорически отказывался усиливаться, нарастать. Щит никак не мог набрать мощность инициации поля, разогнаться. Черт, не успели! Проворонили момент! Теперь ничего не оставалось, как срочно вырубать установку, а затем и сам двигатель. Все, мать вашу... эксперименты нахрен закончились! Теперь только ждать. Сцепив зубы, терпеть и молить бога, чтобы «сварка» зацепила нас лишь краем. Но бог, видать, не услышал, вернее, бог сейчас был полностью не дееспособен и сидел прямо за моей спиной. Так что в жопе мы оказались все вместе. Ах, если бы в жопе, а то ведь на одном огромном десятиместном электрическом стуле!

Напряженность поля быстро нарастала. Осмелев, набравшись сил, белые молнии соскочили со своих металлических насестов и накинудись на людей. Бронированное брюхо БТРа-80 вмиг наполнилось грохотом падающего оружия, отчаянными воплями и проклятиями. Все это склеивалось и приправлялось громким треском статических разрядов. Воняло электричеством, палеными волосами и разогретой смазкой. Происходящее выглядело как стробоскопическое шоу, участники которого изо всех сил старались изобразить шабаш разномастной нечистой силы. Должно быть, я и сам походил на какого-то беснующегося оборотня. Выгнувшись дугой, запрокинув голову, я скрюченными пальцами скреб по воздуху и выл голосом обезумевшего от боли волка. Продлись весь этот кошмар еще хотя бы минут пять, и все, конец, в окрестностях Наро-Фоминска могло стать на один металлический склеп больше. Но, видать, сегодня нам повезло. Каким-то краешком затуманенного болью сознания я стал понимать, что «сварка» отступает.

Несколько минут я просто валялся в водительском кресле, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. От одежды поднимался легкий белесый дымок, который тут же исчезал в распахнутом над головой люке. Окружающие предметы выглядели слегка расплывчатыми и притом заметно раскачивались из стороны в сторону. Аккомпанементом всей этой картине служили приглушенные человеческие стоны и частое отрывистое дыхание. Казалось, звуки поселились внутри самой черепной коробки. Там они здоровенной кувалдой молотили по моему многострадальному мозгу.

– Что это?

Этот хрип стал самым мощным ударом. Он заставил меня инстинктивно схватиться за голову.

– Что это было?

Вопрос повторили вновь. На этот раз до меня дошел не только смысл слов. Показалось, что я узнал и басистый, слегка хрипловатый голос.

Повернув голову, я поглядел на сидевшего в командирском кресле Лешего, он же Андрей Кириллович Загребельный, он же бывший подполковник ФСБ и бывший командир спецназа Красногорского поселения... к великому сожалению тоже бывшего. Видок у моего приятеля был еще тот. Его камуфлированный бушлат заметно дымился. Волосы на голове стояли дыбом, а левый глаз дергался от нервного тика. В разгрузке Загребельного все еще гуляли крохотные искорки статического электричества. Они подмигивали из карманов с автоматными магазинами, потрескивали на рифленых боках гранат, ползли по рукояти боевого ножа.

– Что это было?

Третья попытка Андрюхи уже кардинально отличалась от двух предыдущих. Его голос звучал почти ровно и почти уверенно. Видать, толика этой уверенности передалась и мне.

– «Сварка», холера ее забери! – выдохнул я. – Аномалия, блин, гребаная!

– Аномалия... – морщась, повторил Леший.

Кроме этих слов он произнести больше ничего не успел. В десантном отделении что-то загрохотало, затем послышалось невнятное бормотание, которое завершилось криком... нет, вернее стоном, вырвавшимся из самой глубины души:

– ... щит... Но почему не включили щит? – По-моему, это был голос Серебрянцева, хотя не знаю... После удара током у меня в ушах все еще продолжало звенеть.

– Поздно было, – я не надеялся, что меня услышит старик-ученый, а вот Загребельному информация явно не помешает. – Пришлось заглушить... Все заглушить. А то бы кранты. «Сварка», она, падла, все приборы убивает, и в первую очередь те, что к питанию подключены.

Я только теперь накопил достаточно сил, чтобы обернуться и поглядеть назад. Как там экипаж машины боевой? Как Лиза и Пашка?

Первым на глаза попался тот, кого мы с Лешим по взаимному безмолвному согласию продолжали именовать белорусом. Главный сидел на месте башенного стрелка, сторбившись и обхватив голову руками. Ну да, конечно, в районе башни напряженность поля оказалась наивысшей, так что нашему таинственному союзнику довелось хлебнуть по полной программе и снова вспомнить, как оно оказаться в человеческой шкуре. Причем, основательно подпаленной шкуре, – поправил я себя, когда заметил, что у Главного обгорели даже концы его неизменной зеленой банданы.

Следующим на глаза попался Владимир Фомин. Цирк-зоопарк, никогда не видел его таким жалким и несчастным. В расширенных от ужаса глазах бывшего криминального авторитета, позднее банкира, а еще позднее старосты Рынка стояли слезы. По аккуратным подстриженным усикам текли то ли слюны, то ли крупные капли пота. Но банкир их не замечал и не пытался вытереть. Он смотрел на дымящиеся рукава своей дорогой туристской куртки, на покрасневшие, словно после электрофореза, руки. Мне подумалось, что Фома сейчас проклинает тот миг, когда он решил покинуть обнесенный стенами, утыканный пулеметными гнездами Подольск и отправиться вместе с нами на поиски мифических инопланетных кораблей. Но что сделано, то сделано. Я был даже благодарен «сварке» за то, что она сбила спесь, поумерила всегдашний воинственный пыл этого, будем говорить так, далеко не кристально-чистого человека.

Однако персона Фомина, его насквозь гнилые чувства и мысли занимали меня ровно одну секунду. Взглядом я пытался пробиться за его спину и разглядеть в полумраке десантного отделения лица и впрямь дорогих мне людей. Да простят меня Нестеров, Серебрянцев, Блюмер и Петрович, но это были вовсе не они. Лиза и Пашка – вот за кого я волновался больше всего.

Юные Орловы сидели крепко вцепившись друг в друга. Моя подруга гладила брата по голове и что-то ему шептала. Парнишка, не смотря на свои бунтарские, наполненные стрем-

лением к независимости и самостоятельности пятнадцать лет, не сопротивлялся. Наоборот, он словно искал у старшей сестры помощи, защиты и поддержки.

– Лиза, как он? – прокричал я в испуге. За Павла мне действительно было страшно. Пацан еще не оправился от тяжелой контузии, а тут такая новая напасть, «сварка» эта гребаная!

– Я... я не знаю, – всхлипнула девушка. – Он молчит.

– Черт! – у меня гулко екнуло сердце.

– Может, вытянем парня наружу? – робко предложил Загребельный.

– Сдурел! Какой там «наружу»! – вызверился я на приятеля. – Мы на Проклятых землях! Забыл что ли? Здесь где попало останавливаться нельзя.

С этими словами я включил зажигание. Вернее, попытался включить. Стартер крутил, но двигатель не запускал. Я попробовал еще и еще раз. Только после третьей попытки из моторно-трансмиссионного отделения послышался знакомый басистый рокот. Фух, пронесло! – вздохнул я с облегчением. – Выходит, жива! Дышит моя дорогая, любимая, драгоценная машинка!

Дорога была привычная, тысячу раз езженная и переезженная. Сейчас пройдем по окраине Александровки, дальше пруд и дом отдыха Бекасово, еще дальше до фундаментов сожженные пансионат «Орбита» и дом отдыха «Ростелекома». За ними поворот в дачный кооператив, примостившийся на просеке, прямо под опорами ЛЭП. Именно по этой дорожке мы и домчимся практически до самых складов ГСМ родной танковой бригады. Вот тогда все... тогда, считай, дома. Моя личная база радушно приютит всех участников экспедиции. И до нее осталось всего-то ничего, каких-то четыре километра! Пашка должен, просто обязан продержаться!

После того как черные, покосившиеся домишки Александровки остались позади, Леший угрюмо сообщил:

– Пацана опять тошнит. Весь пол заблевал.

Я лишь насупился, но ничего не ответил. Что тут скажешь? Все и так яснее ясного. Сглупил я, страшно сглупил, что взял с собой Пашку. Это путешествие вполне может стоить пацану жизни. Тут и здоровому-то...

Я вовремя заметил, что придорожный столб, на котором криво висел облезлый и погнутый указатель, отбрасывает длинную четкую тень. В эпоху ядерной зимы, или как мы ее называем «Большой мряки», когда солнце надежно занавешено ширмой из плотных серых облаков, таких теней не бывает. Они возникают лишь когда где-то рядом крутится «мотылек».

Если бы замеченная мною тень лежала поперек дороги, то можно было и рискнуть, попробовать проскочить. Но она, падла этакая, была наклонена в нашу сторону, и я не стал искушать судьбу. Остановив машину, я поглядел на Загребельного:

– Где-то впереди «мотылек». Надо ждать.

– Угу.

С того самого момента, как мы пересекли границу Проклятых земель, Загребельный старался не задавать лишних вопросов и не отвлекать меня, единственного человека, который хоть что-то понимал во всем том, что творилось вокруг.

Около минуты мы сидели молча. Я во все глаза следил за тенью от столба. Не дай бог, начнет укорачиваться!

Она начала, и притом довольно резво.

– Зараза! Приближается! – выругался я и тут же включил заднюю передачу.

Мы пятились, а где-то впереди порхал невидимый «мотылек», который имел достаточно сил, чтобы шутя и играючи насквозь прожечь целый океанский лайнер. Как долго могло продолжаться это отступление, как далеко могла загнать нас смертоносная аномалия, было никому не известно. Цирк-зоопарк, и это в то самое время, когда Пашке позарез нужна помощь!

– И что, никак не пробиться? – неожиданно подал голос подполковник ФСБ.

– Опасно.

– Опасно или невозможно? Может, есть способ?

Способ... Может, и есть способ, только знать бы какой. Правда, имелось у меня одно подозрение, или лучше сказать догадка. Кто знает, возможно именно сейчас и настал тот момент, когда ее следовало проверить.

– Ты подствольник подсоединил? – поинтересовался я, обращаясь к приятелю.

– Подсоединил, – Леший продемонстрировал свой АКС с висящим под стволом ГП-30.

– Значит так... Встанешь в люке и по моей команде будешь бить гранатой точно в середину проезжей части. Понял?

– Чего ж тут не понять, – Загребельный кивнул и даже не спросил на кой черт все это нужно. Только с умным видом, как бы между прочим, изрек замусоленную солдатскую шутку: – Пуля – дура, штык – молодец, а граната – вообще, баба невменяемая.

– Давай, умник! – шутить как-то совсем не хотелось.

Первая граната ушла почти по прямой и шарахнула метрах в сорока впереди БТРа. Разлет осколков у ВОГа небольшой, всего метров десять-пятнадцать, поэтому прятаться мы не стали и пронаблюдали взрыв боеприпаса, что называется, во всей его красе.

– Следующая! – вновь скомандовал я. – Бей туда же!

Андрюха выстрелил, и второе облачко белесого дыма закружилось посреди старой автодороги.

– Ну, а дальше что? – подполковник с недоумением огляделся по сторонам.

– Третью! – приказал я уже вовсе не таким уверенным тоном.

– Как скажешь, – Леший сунул в ствол гранатомета еще один серебристый цилиндрик ВОГа-25.

Третья граната успела пролететь всего метров пятнадцать. Прямо налету в нее ударила длинная молния. Это походило на стремительный и смертоносный бросок огненной кобры, которая вдруг материализовалась из пустоты. Взрыва гранаты не последовало. Она просто сгорела в долю секунды. Еще мгновение об атаке «мотылька» напоминало огненное, ослепительно белое пятно висящее в воздухе. Но затем и оно стало блекнуть, осыпаться на землю крохотными, едва заметными искорками.

– Ничего себе «мотылек»! – пробубнил себе под нос Загребельный и покосился на мою затянутую в танкистский шлем голову, которая торчала из соседнего люка.

– Забирайся внутрь. Двигаем!

– Может, я лучше тут покараулю? – предложил Андрюха.

– Внутрь! – не терпящим возражения голосом проревел я. – Проклятые земли не то место, чтобы на броне гарцевать.

Когда командирский люк захлопнулся, я повел машину дальше. Противореча самому себе, внутрь прятаться не стал. Так видно гораздо лучше, и значит можно поддерживать более высокую скорость. А скорость нам сейчас ох как нужна. Вспомнив о Пашке, я стиснул зубы. Цирк-зоопарк, это же надо, чтобы папану так не везло!

Как только впереди замаячили хорошо знакомые бетонные заборы с натянутой поверх колючей проволокой, а позади них угрюмые серые боксы, я притормозил и начал искать съезд с просеки. Где же ты прячешься, моя заветная партизанская тропа? Вот черт, хорошо замаскировал, с первого взгляда и не заметишь! Однако, кто ищет, или лучше сказать кто знает где искать, тот всегда найдет. Отыскалась узенькая грунтовка, уходящая вглубь леса, вернее того обугленного бурелома, в который оный теперь превратился.

Некоторые дураки совались прямо на территорию Кантемировка, да только там и остались навсегда. Практически весь комплекс сооружений, принадлежавший знаменитой гвардейской танковой дивизии, а в дальнейшем Четвертой Отдельной танковой бригаде, сейчас представлял собой одну огромную западню. Мне иногда приходила на ум мысль, что пришед-

шие на Землю ханхи не разрушили его специально. Они прекрасно понимали, что запасы оружия и снаряжения, которые до сих пор хранились в этом месте, будут привлекать оставшихся в живых людей. И те, кто соблазнится этим лакомым куском, обязательно придут. А вот уйти назад... Вот этот трюк уже вряд ли у кого получится.

Конечно, все это были лишь мои подозрения. Раньше я не мог найти им подтверждения. Зато теперь... Теперь кое-кто ответит, обязательно ответит мне на этот вопрос.

Я без промедления направил БТР в узкий плотный коридор с хорошо накатанной колеей. Мной же и накатанной, кем же еще! Помнится, стоило немалых усилий, чтобы расчистить эту дорожку. Зато теперь хоть проехать можно, правда, с черепашьей скоростью и надежно задранными люками. Аномалий на этом пепелище отродясь не водилось, зато всяких тварей развелось предостаточно. На бронетранспортер зверье пока, слава богу, не посягало, такая здоровенная штукавина у него поперек глотки встанет. А вот торчащая из люка человеческая голова вполне может и заинтересовать.

– Куда тебя черт несет? В дебри какие-то свернул! – очень недовольным голосом пробасил Леший, как только я оказался внутри машины.

– Прояви смекалку, ты, шпион со стажем, – я криво усмехнулся приятелю, а когда понял, что до него все еще не доходит, пояснил: – Только идиот может полагать, что лучшее, самое мощное Советское, а затем и Российское танковое подразделение квартировало в выстроенных под линейку боксах, уязвимых от воздушной атаки даже «кукурузника».

– Понятно, – протянул подполковник ФСБ. – Спрятали все-таки. Запихнули дивизию под землю.

– Не всю, – я отрицательно покачал головой. – При Советах тут только два полка стояло. А после реформы техника «НЗ». Т-90АМ. Новенькие. Только-только с завода.

– Они и сейчас там?

– Нет. Всех в бой кинули. И никто не уцелел.

Я видел, как после моих слов у Загребельного сжались кулаки, и он злобно покосился на Главного. Я прекрасно понимал, что сейчас творится в душе моего приятеля. Боль помноженная на гнев и ярость. И самое притягательное, что впервые за долгие годы борьбы этому гремучему коктейлю есть на кого выплеснуться. Вот он, рядом, один из тех, кто в ответе за все наше горе, за гибель миллиардов ни в чем не повинных людей.

– Андрей! – я окликнул друга, а когда тот поглядел на меня, отрицательно покачал головой. Не время, мол, сейчас... еще не время.

Леший понял и с каменной рожей уставился в заляпанный пылью и грязью командирский смотровой люк. Он так и молчал до тех самых пор, пока впереди не замаячил пологий земляной холм. На одном из его склонов приютились несколько небольших строений самого мирного вида. Непосвященный мог легко подумать, что это какая-то ферма или может склады, а вот человек более внимательный наверняка отметит...

– Лес во всей округе выкосило, а этой халабуде хоть бы хны, – чекист кивнул в сторону самого крупного строения. – Окон нет, стены бетонные, плюс гермоворота.

– Сообразил, наконец, – мой кивок стал похвалой другу.

Я подкатил к самым воротам, после чего оглянулся и проинформировал всю нашу боевую команду:

– Приехали. Полагаю, на сегодня неприятности закончились. – Взглядом я принялся искать Пашку, а когда наконец натолкнулся на его бледное лицо, то тут же засуетился: – Андрей, садись за руль. Умеешь ведь?

– Спрашиваешь!

– Странно, если бы не умел, – я одобритительно хлопнул приятеля по плечу. – А я пойду, открою.

– Командир выходит! Всем страховать! – Тут же отдал приказ ИО владельца БТРа.

Я кивнул, может, благодаря за помощь, а может, за образцовое выполнение обязанностей старшего боевой машины. Хотя, страховать меня особо не требовалось. Во-первых, потому что я и сам мог за себя постоять. Во-вторых, и это главное, все окрестности были густо нашпигованы сюрпризами для особо ярых любителей «комиссарского тела».

Оказавшись снаружи, я стал искать ключ. Раньше ворота запирались с помощью кодового замка, да только вся эта электроника давно накрылась. Пришлось ее выкорчевать с корнем и довериться обычному амбарному замку. Никаких взрывоопасных сюрпризов я на дверь не ставил. Зверье замок не всколупнет, а люди... Людей танкист Ветров убивать вовсе не собирался, по крайней мере тех, которые не собирались убить его самого.

В тот самый момент, когда я запустил руку под решетку вентиляционного канала, глаз уловил движение. Что-то быстрое и проворное скользнуло по стволам поваленных деревьев и тут же рванулось в мою сторону.

АКМС висел на груди, но я даже не подумал за него хвататься. Первым моим движением стал резкий отчаянный прыжок под брюхо бронетранспортера. Укрыться от осколков, вот что сейчас было самое главное.

ОЗМка сработала прямо за спиной у твари. Мина подпрыгнула на полагающуюся ей метровую высоту и раскатисто грохнула почти семисотграммовым зарядом тротила. Воздух тут же наполнился жутким визгом разлетающихся во все стороны роликов. Их у «Злюки» почти две с половиной тысячи, и если уж не повезет ее зацепить...

Навозному льву не повезло. Он получил не только с полсотни осколков, но и мощный, остервенелый пинок взрывной волны. От этого неожиданного и весьма неприятного дуплета тварь покатила по земле, беспорядочно трепыхая своими паучьими лапами.

Знание того, что напал именно лев, мигом придало мне резвости. Осколки вряд ли пробili толстый панцирь, так что буквально секунд через пятнадцать-двадцать свирепый хищник очухается и вновь ринется в атаку. Все это я сообразил уже на бегу. Вместе со щелчком затворной рамы пришло и четкое понимание боевой задачи.

Я успел вовремя. Лев лежал на спине и невпопад шевелил лапами. Так что мне оставалась лишь самая легкая работенка – добить тварь. И я с глубоким удовлетворением всадил половину рожка в белое брюхо, аккурат меж шестью паучьих трехсуставных конечностей.

Нажимая на спуск автомата, я никак не мог отделаться от ощущения, что все это уже было. В одной из предыдущих новелл, повествующих о героических подвигах славного зама по вооружению Четвертой гвардейской Кантемировской танковой бригады полковника Максима Григорьевича Ветрова, он вот точно так же добивал поверженного льва. И, между прочим, тогда очень даже гордился своей персоной, считал, что то была победа, о которой будут судачить во всех колониях Подмоскovie. Наивный! Зло под названием «навозный лев» показалось легким недоразумением по сравнению со всем тем, что началось потом.

– Ты как? В порядке? – рядом со мной будто из-под земли выросли запыхавшиеся Леший и Петрович.

– Дело сделано, – я еще раз поднял Калаш и на всякий случай выстрелил льву прямо в разинутую пасть. Контрольный, так сказать.

– Давай побыстрее заберемся внутрь, – предложил Загребельный с подозрением оглядывая окрестности.

– Львы обычно поодиночке охотятся, – успокоил подполковника Петрович.

– Кроме льва тут еще всякой нечисти полным-полно, – Леший поморщился. – Я ее нутром чую.

Мой приятель был абсолютно прав. Твари Проклятых земель отличались от тех, что населяли пустоши. Здесь все они были словно симбионты, будто составные части аномалий. Уже сейчас, вооруженный знанием теории Серебрянцева, я отчетливо это понимал. Монстры приходили из параллельных миров, убивали все, что не походило на них, все, что казалось им

чуждым, и вновь исчезали в бесконечных лабиринтах пространства и времени. Хорошо, что «Логово» находилось на окраине Проклятых земель, и такие чудовища появлялись здесь нечасто. Но все же появлялись. Памятуя об этом, я счел предложение Загребельного очень даже не лишенным смысла.

За гермоворотами нас поджидал мрак. Я прекрасно знал, что он там. Этот мрак был моим... нет, не врагом, и не другом, а просто старым хорошим знакомым, с которым мы уже почти два года регулярно встречались в одном и том же месте. Отдав долг вежливости, я был вынужден прервать эту встречу.

– Врубай свет! – прокричал я Лешему, который вновь занял место за баранкой «302-го».

Вспыхнула только одна фара. Все остальное осветительное оборудование было разбито и покорежено. Произошло это, когда на мой БТР сбрасывали тонны кирпича, бревна, старое железо и негодное оборудование. Именно в тот страшный день мы отбивали атаку на Одиново, и «302-ой» стал частью высокой баррикады, преградившей путь ордам разъяренных кентавров.

С этого момента прошло чуть больше недели, а кажется, что минула целая вечность. Сколько всего было... Даже представить жутко! Смерть, кровь, ужас, страдания, и в то же время новые встречи, новые друзья, новые надежды и даже новая, наверное самая последняя в жизни любовь. Но самое невероятное событие, это конечно же встреча с Главным. Именно от него мы и узнали правду...

– Эй, Максим, ты что, уснул? – прокричал мне Леший, высунувшись из люка. – Двинули, что ли?

– Сейчас, – я надежно запер ворота и, обойдя БТР, стал в луче света. – Давай, за мной! Потихоньку! – Не дожидаясь ответа, единственный и законный наследник славных кантемировцев двинулся в темную глубину своих владений.

Я шагнул по туннелю, который покато уходил на глубину двадцати метров. Все здесь выглядело незатейливым и хорошо знакомым: гладкий бетонный пол, исчерченный следами шин и царапинами от гусениц, да арка потолка, которая сейчас лишь угадывалась в неярком колеблющемся свете одной-единственной фары. По стенам тянулись косоплеты толстых кабелей. Проложили их довольно высоко, чтобы не изгибать линию всякий раз, когда на пути попадалась дверь служебного помещения. Этих дверей в туннеле имелось не так уж и много. Каждая из них была выкрашена в стандартный серый цвет и имела свой буквенно-цифровой код. Все эти норы я уже давным-давно облазил и не нашел там ничего интересного. Одна сторевшая аппаратура, старые столы и стулья, кипы заплесневевших журналов и формуляров, да любовно вставленные в тонкие жестяные рамки плакаты и схемы. Ох, помню, и драли нас за эту наглядную агитацию...!

Стены туннеля исчезли как-то сразу. Я шагнул в огромный зал, свод которого поддерживали десятки массивных бетонных колонн. Разметка на полу указывала места расстановки боевой техники. Двери в стенах это кладовые, канцелярии, мастерские и жилые кубрики. Таких залов будет еще два на этом уровне и три на нижнем. Всего шесть, по одному на каждый танковый батальон.

Чтобы мои спутники не чувствовали себя уж очень потерянными и одинокими в этом подземном царстве мрака, я ободряюще махнул им рукой и прокричал:

– Двигайте за мной!

Путешествие через площадку №1 заняло минут семь-восемь, затем был еще один короткий туннель, после чего мы наконец и достигли того самого места, которое полковник Ветров любовно именовал «Логовом».

На площадке №2 все еще оставалась кое-какая техника: один Т-90, два БМП-4 и два бортовых «ЗиЛа-131». Свет фары сразу выхватил из темноты их силуэты. Подтверждая, что нам именно в эту сторону, я шагнул по направлению к боевым машинам.

– Приехали, что ли? – следуя моим указаниям, Леший припарковал БТР рядом с танком и теперь мог спокойно оглядеться по сторонам, естественно, на сколько это позволяло тусклое освещение.

– Приехали, – подтвердил я. – Только мотор пока не глуши.

Свет фары рисовал на стене большой белый круг, немного обрезанный снизу. Та его часть, что задевала пол, освещала пятикиловаттный бензиновый генератор «Хонда» и две стоящие рядом с ним канистры. В «Логове» у меня все продумано, все на своих местах. Иначе нельзя, иначе как разобраться в этом царстве вечной ночи?

Я подошел к генератору и запустил его. Сразу вспыхнул свет. Над зоной, где стояла техника, загорелось шесть больших электроламп, ввинченных в тарелки металлических плафонов.

– Теперь можно, теперь глуши! – махнул я рукой.

На пару с Андрюхой мы аккуратно вытащили Пашку из бронетранспортера. Пацан помогал нам в меру своих, прямо сказать, очень небольших сил и даже пробовал протестовать против чрезмерной опеки. Только получалось у него это как-то не очень. Язык у мальчугана заплетался, а глаза иногда закрывались, так что казалось, будто он вот-вот вырубится.

– Давай в кубрик его, – я указал на дверь с номером семнадцать.

Войдя в помещение, я щелкнул выключателем. Стоваттная лампочка осветила комнату, в которой стояло полтора десятка двухъярусных солдатских кроватей. Деревянные тумбочки, табуретки и свернутые в рулоны матрасы. Всегда и везде аскетический интерьер солдатского жилища оставался одним и тем же.

На ближней к входу койке матрас был расстелен. Рядом на тумбочке стояла керосиновая лампа, миска с окурками, металлическая кружка и вскрытая коробка от сухпайка.

– Красиво живешь! – Леший обвел взглядом кубрик. – Отель «Хилтон», пять звезд, не меньше.

– Да пошел ты... – я потянул Пашку к своей койке.

Когда мы уложили пацана, в кубрик буквально влетела Лиза. Она притащила наши рюкзаки, фляги с водой, пакет с лекарствами, короче все, что мы ей приказали.

– Давай сюда.

Я забрал у девушки часть поклажи и тут же принялся копаться в нашей, спасибо Фомину, довольно богатой аптеке. Что там говорил доктор? Пашке надо давать вот эти розовенькие и еще вон те, из длинной картонной коробки. Я схватил заветные пилюли и только в этот момент вспомнил. Цирк-зоопарк, а ведь у нас есть еще и кристаллы! Те самые, что Нестеров раздобыл в храме кентавров. Не уверен, но может именно они, а совсем не вся эта химия, которую набадрили фармацевтические кампании, и спасли Пашку во время кризиса. Кристаллы по-прежнему хранились у Лешего в его старом потертом вещмешке.

Я уже хотел приказать подполковнику достать их и даже открыл для этого рот, но тут увидел, что Загребельный без всякого напоминания сам добыл заветный клетчатый узелок. Наши взгляды встретились, и Андрюха, пожав плечами, протянул:

– Попробуем еще раз. Черт его знает...

– Жаль, Мурата нет, – в отчаянии простонала Лиза. – Он бы помог. – Моя подруга явно думала о своем, а потому даже не заметила ни поступка, ни слов Лешего.

Мурат... От этого имени я вздрогнул. Последним, кто произносил его, разумеется, кроме Лизы, был Главный. Этот сукин сын толком так ничего и не объяснил. Просто сказал, что у Мурата Ертаева свой путь, свое предназначение. Вот и вся информация. Мы с Андрюхой долго думали над его словами, да так ни к чему конкретному и не пришли. Сошлись только на том, что ханх никогда никого и ни к чему не принуждает. Вот и выходит, что наш боевой товарищ выбрал свой путь совершенно самостоятельно. Какой именно путь? Даже невозможно

представить. Хочется лишь надеяться, что это не славная смерть во имя великой цели. Этих смертей уже было... не сосчитать. Жаль будет, если так. Хороший все-таки парень Мурат!

Хотелось мне того или нет, но ситуация с Пашкой, слезы Лизы наложили отпечаток на ход моих мыслей. Думая о Мурате, я не мог не согласиться со своей подругой: да, Ертаев в медицине разбирался. Талант у него, как говорится, от бога.

Я несколько раз промычал про себя это короткое «от бога», пока наконец не понял, что именно зацепило меня в этих двух словах. Цирк-зоопарк, это что же получается, бог научил? Бог знает о человеке все, ну или почти все? Он умеет врачевать и исцелять? Вполне логично, что результатом серии этих весьма сомнительных, с точки зрения прожженного атеиста, умозаключений стал почти телепатический призыв: «А ну, товарищ бог, где ты там? Выходи!».

Будто услышав мой зов, Главный переступил порог кубрика. Несколько секунд он просто стоял и с любопытством озирался по сторонам. Все это время я глядел на него и старался понять... вернее, убедить себя, что вот этот человек в грязном рваном плаще, зеленой тертой бандане и с вымазанной в сажу рожой и есть ОН.

Этот взгляд не ускользнул от пронзительных темных глаз гостя, и тот улыбнулся. Эта улыбка меня отрезвила. Не время сейчас улыбаться!

– Помощь нужна, – я взглядом указал на распластавшегося на койке Пашку. – Сделай что-нибудь.

Ничего не говоря, Главный подошел, мельком взглянул на те таблетки, что я держал в руках, а затем принялся копаться в пакете с медикаментами. Результатом его изысканий стали еще полдюжины разноцветных упаковок. Некоторые препараты он брал по одной таблетке, некоторые по две, а кое-какие пилюли ломал напополам. Добавив к ним пару кубиков сахара, добытых из коробки с сухпайком, Главный потребовал:

– Пусть выпьет, – поразмыслив секунду, он кинул сахар в стоящую на тумбочке кружку и попросил Лизу: – Налей воды до половины, а потом размешай.

На все это действие мы с Лешим смотрели с нескрываемым недоумением, если не сказать с растерянностью. Мы ожидали чуда, а получилось, что присутствовали при визите угрюмого, не очень разговорчивого фельдшера из какого-то забитого здравпункта.

– И это все? – мой вопрос стал продолжением этих мыслей.

– Сейчас я всего лишь человек, – Главный ссыпал таблетки пацану в рот, приподнял ему голову и стал поить сладкой водой.

– А как же это... – Леший взвесил на ладони клетчатый узелок. Ткань кое-где разошлась, и сквозь образовавшиеся отверстия стали видны крупные голубые кристаллы.

– Это? – Главный недоумевающе приподнял бровь.

– Мы пробовали эту штуку, – Загребельному наконец удалось сформулировать свою мысль. – И она, кажется, помогла Павлу.

– Вы что, пичкали мальчишку энергоном? – глаза Главного округлились.

Мы с Андрюхой ничего не ответили, только лишь ошарашено переглянулись. Однако закравшиеся в душу испуг и страх тут же улетучились, когда наш знакомый улыбнулся и по-доброму покачал головой:

– Век живи, век учись, – многозначительно произнес он, а затем потребовал: – Подполковник, дай мне пару капсул.

Леший не стал жадничать и протянул целую горсть. Главный, не глядя, выудил из нее два похожих на крупный фундук кристалла. При электрическом освещении свечение голубых камней выглядело не столь ярким и чистым. Сейчас они казались просто кусочками лазурита, образцами из магазина наглядных пособий.

Главный огляделся по сторонам в поисках чего-то. Подходящего предмета, по-видимому, не обнаружилось, поэтому он пошел по простому и незатейливому пути. Доктор в зеленой опаленной бандане положил кристаллы на пол и прикладом своего помпового ружья стал гвоз-

дить по ним. Камни лопались с громкими хлопками. Расколовшись, они сразу гасли, а в воздух подымался легкий голубоватый дымок.

– Давайте, валите все отсюда, – приказал Главный. – А то все выпьете и мальчишке ничего не оставите.

Мы с Андрюхой в общих чертах догадывались о чем это он, а потому беспрекословно двинули к выходу.

– Я останусь, – заупрямилась Лиза.

– Нет, тебе тоже придется уйти, – Главный сурово поглядел на девушку.

– Но Павел...

– Он поспит, – перебил Лизу мнимый белорус. – Ему полезней поспать.

С этими словами Главный подsunул руку Пашке под затылок и надавил на какие-то только ему ведомые точки. Глаза пацана мигом закрылись, и он откинулся на подушку. Увидев столь мгновенное отключение, Лиза да и мы с Андрюхой сперва занервничали, но когда на губах пациента заиграла умиротворенная улыбка, расслабились.

Именно в этот момент в кубрик и заглянул Петрович. Майор мотострелок быстро оглядел всех присутствующих и остановил взгляд на Главном:

– Олесь, там дед этот, полоумный, свою машину начал проверять. Ты, кажется, хотел посмо...

– Тише ты! – цыкнул я на Петровича, и тот заткнулся на полуслове. Теперь у меня появилась возможность продублировать приказ лекаря: – А ну давайте все отсюда! Живо!

Плотно прикрыв за собой дверь кубрика, я покосился на Главного:

– Олесь, говоришь?

– А что, неплохое имя, – пожал плечами тот. – К тому же я к нему стал привыкать.

– Ладно, пусть будет Олесь.

– Главный тоже ничего, – Главный заговорщически мне подмигнул.

Интересно, понял бы я этот сигнал раньше, когда у нашего приятеля был всего один глаз? Вслед за этой мыслью промелькнул весь калейдоскоп событий с участием этого... хотел сказать человека, да вовремя спохватился. Человеком он стал только теперь. А раньше... Наверное, лучше сказать обтекаемо – существа. Да, существа. Именно оно разогнало стаю кровожадных призраков, именно сквозь него, даже не оставив следа, прошли пули Лешего, именно его чудодейственная энергия исцелила меня и Лизу, и, наконец, именно оно договорилось об отсрочке для гибнущей Земли. Цирк-зоопарк, а я ведь и вправду был готов назвать его богом. Только вот все портила маленькая деталь, его настоящее, подлинное имя было ханх.

– Максим Григорьевич, голубчик, у нас тут проблема, – раздосадованный старческий голос прервал мои мысли.

– Проблема? – повторил я, пытаясь быстро перестроиться на новую тему.

– Вот, взгляните, – Серебрянцев поманил меня рукой.

До того как подойти ко мне, младший научный сотрудник Физического Института имени Лебедева за компанию с аспирантом ХАИ сидел на броне. Они по очереди вскрывали блоки энергетического щита и придирчиво их осматривали.

Прежде чем подойти, я окинул взглядом свою машину. Нынешний облик «302-го» значительно отличался от облика всех остальных его собратьев в большой интернациональной семье БТР-80. И дело было совсем не в ободранной краске, разбитых смотровых приборах, погнутых пулеметах и других следах пребывания под завалом. Основным отличием были крупные прямоугольные блоки, навешанные на броню. Перевитые экранированными кабелями и трубками с охладителем, они образовывали три цепочки, три кольца, которые плотно обтягивали стальное тело бронетранспортера. Первое из этих колец, самое маленькое, стягивало скуластую морду БТР-а прямо поверх волноотражательного щитка. Второе – самое большое, располагалось в центральной части корпуса, прямо позади башни. Третье опоясывало бронированный

корпус позади задних колес. Все эти усовершенствования лишали «восемьдесятку» части ее боевых качеств. Однако со всем этим приходилось мириться, и только лишь по одной причине: вся эта хрень, навешанная на мой героический бронетранспортер, именовалась системой энергетического щита, которая весьма лихо справлялась с аномалиями. Вот то-то и оно, что справлялась! Сейчас, насколько я мог судить, со щитом возникли некоторые сложности.

Моя голова и так была до отказа забита всевозможными проблемами, потому добавлять к ним еще и научно-технические составляющие вовсе не хотелось. Но видать никуда не денешься, не открутишься от них, проклятых. С тяжелым вздохом я поставил ногу на подножку около колес.

– Что там у вас, Даниил Ипатиевич? – задавая вопрос, я ухватился за скобу на крышке аккумуляторного отсека, потянулся и влез на броню.

Первое, что попало на глаза, это седая, как всегда взлохмаченная шевелюра старика, низко склонившегося над вскрытыми блоками. Когда Серебрянцев поднял голову, сквозь стекла его очков на меня глянули умные, пытливые, излучающие во истину юношескую энергию глаза.

– Смотрите, Максим Григорьевич, – пожилой ученый подвинулся, чтобы мне было лучше видно. – В принципе вся система рассчитана на воздействие довольно мощного электромагнитного импульса. Сами понимаете, в космических разработках учитывали любые, вероятные и даже невероятные ситуации.

– Понимаю. Тогда в чем проблема? Почему щит не выдержал встречи со «сваркой»?

– Наши с Сережей доработки... – старик замялся. – Они были сделаны, я бы сказал... второпях, из подсобных материалов, из того, что нашлось в Подольске.

– Во-о-т оно в чем дело! – я невесело кивнул. – Выходит, теперь можно сдирать с брони всю эту космическую машинерию?

– Если бы здесь отыскались запчасти... электрические шины, переходники, реле, еще кое-что... – не позволив мне ответить, младший научный сотрудник указал на стоящий рядом Т-90. – В танке ведь полно всякой электротехнической начинки. Можно попробовать...

– В этом танке только гусеницы исправны, – угрюмо сообщил я. – Поэтому он здесь и остался.

– Не может быть, чтобы все сняли, – засомневался старик.

– Ладно, – раздумывая над проблемой, я почесал затылок. – Вы тут разберитесь сколько и чего надо, а я попытаюсь сообразить где все это можно раздобыть.

– Свету бы добавить, – осторожно попросил Сергей Блюмер.

– Переноска имеется, – я кивнул.

– Скажите где, – Сергей тяжело поднялся на ноги и сделал неуверенный шаг по направлению к борту.

– Отставить! – остановил его я. Поглядев на бледное лицо аспиранта, на его поникшие плечи и грязные бинты, стягивающие культю ампутированной кисти, я добавил: – Сейчас сам принесу. Все равно ведь слазить.

Блюмер благодарно кивнул и присел на башню.

Разматывая удлинитель, я бегло оглядывался по сторонам. Мои спутники так и не освоились в «Логове». Огромное хранилище тонуло в густом мраке, туннели и переходы расплзались от него на многие километры. Догадываясь о колоссальных размерах этого подземного города, каждого одолевал вопрос: А насколько он безопасен? Единственные ли мы его обитатели? Не появится ли из темноты кто-то или что-то? А может мы оказались в западне, из которой нет выхода? Неуверенность и страх клейкой паутиной обволакивали души людей. Они молчали только лишь благодаря моему присутствию, мол, Ветров знает, что делает.

Я дотянул кабель до БТРа, подключил его к забранной в решетку переносной лампе и подал все это хозяйство Блюмеру. Пусть там пока разбираются, а мне следует озадачить всех

остальных. Общаться с каждым по отдельности не очень-то хотелось. Процесс получится длительный, да и не та у нас компания. Фомин с Петровичем еще чего доброго удумают, что их начали затирать или того хуже строить против них какие-то козни. Так что, как говорится, трубите общий сбор!

Трубы у меня не было, поэтому пришлось просто громко приказать:

– А ну, господа-товарищи, давайте все сюда!

Первым подтянулись Леший с Главным, за ними Лиза с Нестеровым и последними, как бы подчеркивая свое особое положение, подошел бывший банкир со своим новоиспеченным телохранителем.

– Ситуация следующая, – начал я. – Сейчас уже вторая половина дня. Само собой, сегодня мы никуда двинуться не сможем. Да и дело не только в приближающейся ночи. Нам следует закончить ремонт бронетранспортера, разобраться с количеством необходимого оружия и снаряжения, к тому же очень и очень желательно наладить щит.

Тут я поднял глаза на копающегося в аппаратуре Серебрянцева. Младший научный сотрудник почувствовал этот взгляд и оторвался от работы. Он пожал плечами и не очень уверенно произнес:

– Мы сделаем все возможное.

– Вот-вот, – кивнул я. – Постарайтесь уж.

– А когда реально мы сможем выехать? – подал голос Главный. – Времени очень мало.

– Завтра, часов в десять.

Я прекрасно понимал, что ремонт мы не закончим быстро. Так что погрузка оружия и снаряжения автоматически переносится на утро, и эта работенка часа на два-три. Так что в десять ноль-ноль, никак не раньше.

Вступительная часть была закончена, теперь следовало заняться делом. Лизе было поручено приготовление пищи. То ли это обед, то ли ужин, понять было сложно. Люди хотели есть, и им было наплевать, как это дело будет называться.

Наш снайпер как-то без особого энтузиазма воспринял свое новое боевое задание:

– Опять мне, – пробурчала девушка и отправилась распаковывать мешок с провизией.

– Толя, помоги ей, – я поглядел на Нестерова.

Пожилой майор милиции выглядел не очень хорошо. Следы побоев, которыми наградили его подручные Фомина еще не сошли. Кровоподтеки лишь из фиолетовых стали желтоватыми и расплывчатыми. Этот, прямо скажем, не очень жизнерадостный грим делал Нестерова похожим на покойника. Анатолий и сам прекрасно понимал, что представляет собой жалкое зрелище, поэтому в ответ на мою просьбу лишь горько усмехнулся.

– Там примус есть, – я кивнул в сторону стоящих вдоль стены предметов. – Лизе с ним в жизни не разобраться, а ты сможешь.

– Аппарат как раз из моей эпохи, – подтвердил милиционер и, перетянув автомат за спину, отправился добывать живительный огонь.

Возле меня осталось четверо. Они-то и должны были составить костяк ремонтной бригады. Главнейшая задача, которая перед нами стояла, это замена вышедших из строя пулеметов. Пожалуй, с этого и начнем, – сказал я сам себе и повел людей в личный арсенал полковника Ветрова.

Вообще-то когда-то я намеревался сделать этот самый арсенал на целых двести процентов общественным. Такой себе оружейный центр с хорошо оборудованной ремонтной мастерской для нужд всего Подмосковья. Лучше всего для данного проекта подходил Серпухов. Поселение находилось всего в десяти километрах от границы Проклятых земель — места, где я по большей части и промышлял. Цирк-зоопарк, удобно! А то в Подольск, Одинцово или еще куда задолбаешься кататься.

Эх, благие намерения, из которых как всегда хер что вышло! Причиной тому, как ни горько это осознавать, стал все тот же пресловутый человеческий фактор. Капитализм внес необратимые изменения в гены некогда советских людей, заменил в них программу «сам погибай, а товарища выручай» на несомненно более актуальную «своя рубашка всегда ближе к телу». Результат не замедлил сказаться. Как только я поднакопил в Серпухове более-менее солидный запас оружия и боеприпасов, так тут же возникли проблемы с его распределением. Местная администрация вдруг резко потеряла всякий интерес к нуждам и проблемам соседей. К примеру, крупнокалиберные пулеметы и патроны 7,62 неожиданно оказались запрещены к вывозу за пределы колонии. Нам, мол, положено, мы, мол, и так весь мир благодетельствовали по самое нехочу. Поглядел я на такое дело, прикинул, что нечто подобное вполне может повториться и в других поселках, плюнул, да и перенес свою резиденцию на, фигурально выражаясь, нейтральную территорию. Так спокойней, а главное надежней. Так все зависит только от меня.

Когда под потолком вспыхнули три висящие в ряд лампочки, у моих сопровождающих вырвался невольный вздох восхищения. Мужики все-таки! А какое мужское сердце не затрепещет при виде целого зала до отказа набитого оружием.

Ящики с патронами лежали двумя штабелями, метров по двадцать в длину и более человеческого роста в высоту. Я сложил их вдоль двух противоположных стен. Внутри герметически запаянные цинки или водонепроницаемые пакеты, так что конденсат и плесень со стен бетонного каземата боеприпасам особо не повредят. А вот для оружия, как бы хорошо оно не было упаковано, все же лучше подобрать местечко посуше, например, в центре зала. Под низ я сложил ящики с новенькими АК-74, на них гранаты, а уже сверху наваливал все те машинки, которые подбирал во время своих бесчисленных странствий по местам былых боев.

– Сколько же здесь! – восхищенно выдохнул Загребельный.

– Не так много, если учесть ту скорость, с которой вы все это тратите.

Произнося «вы», я конечно же имел в виду не присутствующих здесь людей, а все те поселения Подмосковья, которые я вот уже два года исправно снабжал оружием и боеприпасами.

– Не думаю, полковник, что это твой единственный склад, – Владимир Фомин чисто деловым взглядом оценил общее количество оружия. – Ты давно комерсуешь. Уже бы не один такой склад опустошил.

– Угадал, были и другие, – мне было нечего скрывать. – Только до них теперь не добраться. Все «сумраком» заволкло.

– «Сумраком»?

Петровича очень заинтересовало это название. Должно быть о «сумраке» он что-то слышал, да только мало, может краем уха. Это была одна из тех историй, о которых болтают много, да только все разное. А тут такой случай – настоящий живой свидетель.

– Не терпится познакомиться? – я криво усмехнулся. – Не волнуйся, от этого дела не отвертишься. Если повезет, завтра и полезем. – Произнося эти слова, я взглянул на Главного. Пожалуй, это был единственный человек, который понимал, о чем это полковник Ветров тут толкует.

– Куда полезем? – помрачнел Фома.

– Вглубь Проклятых земель, куда же еще! – я в упор поглядел на старосту Рынка. – Это только здесь, в приграничье, Проклятые такие тихие. А там дальше начнется...

– Ничего себе тихие! – майор мотострелок поежился, очевидно припоминая встречу со «сваркой», а затем стал жадным взглядом пожирать разложенное на ящиках оружие. – Надо взять побольше, чтобы как следует всыпать всей этой нечисти.

Всыпать аномалиям из пулеметов и автоматов у нас вряд ли получится, но пыл Петровича оказался весьма кстати. Нам действительно следовало поторапливаться.

Отыскав длинный узкий ящик, я махнул Лешему:

– Андрей, помогай, а то дура еще та... больше полтинника весит, а с ящиком и все шестьдесят кило потянет.

Пока Загребельный пробирался ко мне, майор поинтересовался:

– А нам что делать?

– Там, слева от входа два ПКТ стоят. Не новые, но рабочие. Бери любой. – Поразмыслив немного, я передумал: – Отставить! Саша, ты ленты снаряжать умеешь?

– Что за вопрос! – Петрович даже обиделся.

– Тогда бери себе в помощь Фомина и займись.

– А пулемет? – майор уже держал в руках ПКТ.

– Пулемет отдай... – я чуть не сказал Главному. – Пулемет пусть Олесь возьмет.

– Добро.

Петрович вручил белорусу 7,62миллиметровый пулемет Калашникова, а сам принялся нагружать на своего бывшего шефа пустые патронные ленты. Делал майор это с нескрываемым удовольствием. Сейчас они с Фоминым поменялись ролями, и начальником был он.

Взявшись за ручки на торцах деревянного ящика, мы с Лешим потащили его к бронетранспортеру. Впереди вышагивал Главный. Он держал ПКТ как обычный автомат. Кабель электроспуска извивался по его руке, штепсельного разъема видно не было, отчего казалось, что Главный подключился к управлению пулеметом и в любой момент может открыть огонь. Конечно же, умом я понимал, что такого быть не может, но ощущения остаются ощущениями. От них сложно отделаться, тем более когда понимаешь кто на самом деле этот человек.

Около БТРа уже пахло закипевшей кашей. Сперва я даже не узнал запах. Что-то далекое, совсем из другой жизни, из другого мира. Вдруг до меня дошло – гречка! Лиза готовит гречневую кашу!

– Это правда? – я поглядел на приятеля. – Я не сплю?

– Ты о чем? О каше? – подполковник улыбнулся. – Точно. Есть такое дело. Гречка в припасах Фомина была.

Вдыхая аромат давно забытого деликатеса, я не знал радоваться этому или негодовать. С одной стороны, сейчас мы попробуем настоящую гречневую кашу, но с другой... С другой, в некоторых поселениях люди едят заплесневелое зерно из заброшенных, зачастую зараженных элеваторов.

В этот момент мне до зуда в костяшках пальцев захотелось расквасить рожу Фомина. Живут же такие гниды! Жируют, когда все вокруг пухнут с голоду. И как нас только угораздило связаться с такой сволочью!

Как угораздило, я прекрасно помнил. Фома дал нам топливо, снаряжение и продовольствие. Без него вся наша экспедиция практически не имела шансов, что было весьма неприятно, тем более, если на кону стояло ни много, ни мало, а спасение человечества, спасение нашей планеты. Подумав об этом, я стал успокаивать себя, уговаривать, что Фомин это то неизбежное зло, с которым надо смириться, которое лучше по-возможности просто не замечать.

Это самое зло, словно протестуя против моего решения, тут же прогремело, вернее пробряцало рядом. Как мне показалось, Петрович нагрузил на него все имеющиеся у меня пулеметные ленты, отчего Фомин стал похож на елку, обвитую черными гирляндами, точь-в-точь как после веселенького новогоднего пожара. Сам мотострелок показался следом. Он сгибался под тяжестью ящика с 14,5миллиметровыми патронами.

– Внутри машины еще ленты есть, – напомнил я майору. – И не забудь сперва все это хозяйство в бензине промыть.

– Да знаю я, – пропыхтел мотострелок.

– Знает он... – буркнул я себе под нос. – Все всё знают, только как положено нихрена не делают.

В тот самый момент, когда мы с Андрюхой опустили ящик с КПВТ около колес «302-го», к нам подошел Нестеров.

– Давайте подзаправимся сначала, а уж потом вплотную займемся делами, – предложил милиционер.

– Разве готово? – Загребельный покосился в сторону шипящего примуса и суетящейся рядом Лизы.

– Минут через десять будет в самый раз, – заверил Анатолий. – Как раз свои миски да котелки достанете.

В моем животе громко и протяжно заурчало, что без всяких сомнений являлось знаком полного согласия. Как говорится, война войной, а обед по расписанию.

– Идемте, – я кивнул Нестерову и тут же громко объявил: – Приготовиться к принятию пищи! Даю полчаса.

Котелки мы достали вовсе не за десять минут. Для этого дела потребовалось минуты полторы, от силы две. Единственный, кто остался в пролете, так это Главный. У него из личных вещей был лишь патронташ да то самое знаменитое помповое ружье.

– Отдай ему крышку, – попросил я Лешего.

Подполковник ничего не ответил. Пожал плечами и стал отстегивать продолговатую алюминиевую посудину.

– И еще одну капсулу энергона, – попросил Главный. – Или лучше две.

– Тоже подсел на эту штуку? – Леший с подозрением покосился на нашего старого знакомого.

– Не для меня, – Главный отрицательно покачал головой. – Пока есть время, пойду, подзаряджу мальчишку.

Он так и сказал «подзаряджу», словно речь шла о какой-то машине.

– Да ради такого дела хоть все заberi, – Загребельный плюхнул узелок в крышку от котелка и протянул весь этот комплект Главному.

Я поморщился. Вдруг вспомнилось где именно Нестеров раздобыл клетчатый сверток. По-моему, там было полно разлагающихся трупов, и за километр разило смертью. Я все это вспомнил, но промолчал. Зачем портить человеку аппетит?

Однако, похоже, Главный все прекрасно знал. Глядя на мою слегка перекошенную физиономию, он криво усмехнулся, затем вынул узелок из своей будущей тарелки и принялся его развязывать. Чтобы камни не рассыпались, ханх был вынужден положить сверток на броню танка, около которого мы стояли.

От нечего делать мы с Андрюхой следили за его руками. Надо признаться, что крупные голубые кристаллы вольно или невольно всегда притягивали к себе внимание. Под их оболочкой словно заключалась целая вселенная, в которой то клубились плотные газовые облака, то вспыхивали яркие огни сверхновых звезд. Красиво, черт побери!

Когда Главный откинул края клетчатой ткани, мы увидели горку искусственных самоцветов. За последние дни их немного поубавилось, но те что оставались, были по-прежнему великолепны. Картину портил лишь край угольно-черного диска. Он сантиметра на три выступал из горки кристаллов. Странно, но мне показалось, что черноту материала, из которого он был сделан, не могли осветить даже лежащие рядом камни. Это был глубокий, мрачный порез, располозовавший мир голубого света.

При виде этого предмета Главный замер. Затем он очень осторожно, двумя пальцами вытянул диск.

– Где вы это взяли? – ханх повернулся к нам, и я отчетливо заметил, что в глазах его промелькнул страх.

Глава 2

Главный пристально поглядел на нас с Андрюхой и задал очень неожиданный, можно сказать, странный вопрос:

– Вам нравятся истории про пиратов?

– Ну-у-у... наверное, – в растерянности я пожал плечами и перевел взгляд на Лешего. Непрошибаемый чекист без колебаний кивнул, тем самым подтверждая, что «Остров сокровищ» прошел углубленную проверку Федеральной Службы Безопасности и допущен для распространения на территории Российской Федерации.

– Тогда вы, наверное, помните, что такое «черная метка»? – наш собеседник спросил очень тихо, и, цирк-зоопарк, я был готов поклясться, что голос его в этот момент дрогнул.

Мы с Андрюхой тут же уставились на диск, зажатый в пальцах Главного.

– Что за ерунда? – начал Загребельный.

– Вы же бессмертны, – поддержал друга я.

– Бессмертны, – подтвердил ханх. – Но в нашей, ох какой длинной истории, имелось несколько прецедентов. И не всегда это была смерть. Есть вещи и похуже.

– Те Создатели, о которых ты говоришь, тоже получали диски? – из деликатности я не стал уточнять, что может быть хуже смерти.

– Да, – Главный ответил односложно.

– Это были точно такие же диски? – подполковник ФСБ протянул руку, предлагая передать ему этот таинственный предмет. Я попытался схватить Андрюху за локоть и придержать его, но мой приятель ловко высвободился. – Перестань! – отмахнулся он. – Я эту штуку уже сто раз в руках вертел, и ничего, жив пока.

– Тогда это был просто диск, – серьезно протянул я. – Просто диск...

– Ладно, допустим, это действительно «черная метка», – Загребельный приступил к расследованию. – Но, Олесь, с чего ты взял, что она предназначена именно тебе?

– Диск оказался на планете, которая находится под моим надзором. И не просто оказался. Он нашел меня. Я держу его в своих руках. Разве нужны другие доказательства?

– А теперь я держу его в своих, – Леший ловко выдернул диск из рук Главного. – И что из этого следует?

– Спасибо за поддержку, – ханх горько улыбнулся. – Но такие артефакты появляются раз в миллион лет и просто так они на дороге не валяются. У каждого из них свой персональный адресат и свой срок исполнения приговора.

Слова Главного не убедили подполковника ФСБ.

– Существует какой-нибудь способ проверить все эти твои подозрения?

– Если бы я сейчас был в своем истинном теле, то уже знал бы ответ на этот вопрос. – Улыбка Главного все более становилась похожей на гримасу боли.

– А ведь и верно! – глаза Загребельного радостно сверкнули. – Сейчас ты человек, и они не смогут добраться до тебя, как добрались до других.

– Кто они? – буркнул я.

– Узнаем. Дайте срок, узнаем, – заявил чекист. Его уверенность как-то сразу передалась и мне. Показалось, что уже совсем скоро все темные силы вселенной получат ватную фуфайку с номером и отправятся на лесоповал куда-нибудь на солнечную Колыму.

– Вы жрать будете? – к нашей стоящей особняком троице подошел нахмуренный дежурный по столовой. Нестеров по очереди рассмотрел наши физиономии, а затем остановил свой взгляд на диске. – Что, интересная штукавина оказалась?

– Очень, – прошипел Леший.

– Толя, почему ты забрал диск из храма кентавров? – я пристально поглядел на милиционера. – Чем он тебя заинтересовал?

– Сгреб все, что лежало на алтаре, – ответил майор. – Шестилапые поклонялись этим вещам, вот я и решил выяснить почему.

– А где лежал симбионт? – Главный словно очнулся.

– Что лежало? – Нестеров не понял вопроса.

– Та штука, что сидит в тебе, называется симбиопротез, – пояснил ханх. – Так где он лежал?

Похоже, милиционер был удивлен, если не сказать ошарашен. Этот практически незнакомый человек знал его тайну. Анатолий молчал несколько секунд, а затем все же овладел собой и постарался вспомнить.

– Торопился я очень... Да и темно там было... – наморщив лоб, Нестеров копался в воспоминаниях. Когда нужный фрагмент был наконец найден, он поднял глаза на Главного: – Они вместе лежали. Симбионт этот твой сверху, а диск прямо под ним.

– Значит, ты не мог взять диск и не коснуться симбионта?

– Не мог, – подтвердил майор, немного поразмыслив.

Услышав этот его ответ, мы все мигом переглянулись, так как сразу поняли, куда клонит ханх.

– Симбионты эти... – я чуть не спросил «ваша разработка?», но вовремя опомнился. О том кто такой на самом деле Главный, знали лишь мы с Лешим. Что ж, пока пусть так и остается. – ...это разработка ханхов? – так выглядел окончательный вариант моего вопроса.

– Иногда они их применяют, – подтвердил мнимый белорус.

– Для чего?

– Когда биологическому объекту требуется помощь для выполнения определенной работы или задания.

Произнося «задание», Главный в упор глянул на Анатолия. Ханх явно силился понять, почувствовать, кто стоит перед ним. Просто человек, совершенно случайно получивший в свое распоряжение запретную инопланетную разработку, или машина для убийства, созданная кем-то неведомым с конкретной, очень неприятной для него, Главного, целью.

– Ты много знаешь о ханхах, – Нестерову не понравилось как, а главное кто его разглядывает, – и обо мне...

– Много, – подтвердил тот односложно и без всякого намека на продолжение.

Этот разговор мог затянуться надолго, если бы его не прервал требовательный, слегка обиженный голос:

– Я готовила, старалась... Все стынет, а вы не идете, никак наговориться не можете. А вон те отморозки сейчас за второй порцией полезут, – при этих словах Лиза кивнула в сторону Фомина и Петровича, которые, усевшись на ящиках с патронами, с аппетитом заглатывали гречневую кашу.

Все что мы только что узнали, требовало основательного осмысления. Сделать это можно было одновременно с пережевыванием пищи. Да и каша пахла здорово! Неудивительно, что Загребельный, Нестеров и Главный повернулись в сторону нашей импровизированной кухни.

– Ты забыл! – я повысил голос и привлек их внимание. – Ты забыл, – повторил я еще раз и взял из кучки голубых кристаллов два верхних. Без лишних слов протянул их Главному.

– Да, прости, – тот забрал камни и направился к дверям кубрика.

– Лиза, сходи с ним, – я указал взглядом в спину удаляющегося белоруса. – Проведай брата.

Главный услышал и, оглянувшись, улыбнулся. Горестно так улыбнулся. Мне как будто граблями по душе проскребло.

Когда они вошли в дверь кубрика, Нестеров спросил:

– Зачем про меня рассказали?

– Он бы и так все понял, – ответил Загребельный. – Он с такой штукой уже встречался.

А так мы предупредили, чтобы держал язык за зубами.

– Угу. Резонно, – милиционер не очень радостно, но в целом одобрительно кивнул. –

А диск? Почему спрашивали про диск?

– Увидели среди кристаллов, вот и зашел разговор, – Леший старался не встречаться с майором глазами.

– И что этот знаток сказал?

– Ничего конкретного, но эта штука ему не понравилась, – Загребельный кинул черный диск на горку кристаллов и стал завязывать узелок.

– Может выкинем его к чертовой матери? – предложил я.

– Хуже уже не будет, – покачал головой офицер ФСБ. – Пусть пока полежит.

Когда мы подошли к месту принятия пищи, Фомин с Петровичем и впрямь уже доедали. Серебрянцев и Блюмер, наконец, слезли с брони и накладывали себе кашу в металлические миски. Оценив их порции, я нахмурился:

– Больше берите. Чего стесняетесь?

– Такую кашу я и впрямь очень давно не ел, – улыбнулся пожилой ученый. – Но понимаете, Максим Григорьевич, в моем возрасте уже не наедаются до отвала. Лучше легкий голод, чем желудочные колики.

– А ты, Сергей, чего? – я забрал у Блюмера его миску и прежде чем аспирант ХАИ успел ответить, плюхнул туда еще целый черпак. – Ешь, иначе свалишься, а нам еще только этого не доставало. Одного Пашки с головой хватит.

Блюмер буркнул «спасибо» и отошел в сторону. Похоже, я перегнул палку и заботу о человеке подменил чистой рациональностью. Нельзя так. Надо будет сказать Сергею что-нибудь хорошее. Старый грех за ним, конечно же, остался... Куда же его денешь? Однако сейчас мы все в одной лодке, в одной команде.

– Максим Григорьевич! – мысли мои прервал Серебрянцев. Ученый поставил миску с кашей на один из ящиков и вытянул из кармана своего старого рабочего комбинезона сложенный вчетверо листок бумаги. – Я тут набросал... Вот все, что необходимо для ремонта щита.

Я быстро пробежал глазами список и с облегчением отметил, что запчасти требуются в общем-то не очень мудреные. В современном танке много чего наворочено. Если хорошенько покрутить, аналоги можно найти, а может даже и чего покруче, помощнее и понадежней.

– Сейчас поедим и попробуем отыскать все это имущество, – обнадежил я старика.

По моему далеко не жизнерадостному лицу Серебрянцев понял, что выполнить данное обещание будет не так уж и просто.

– Придется куда-то идти? – озабоченно осведомился он.

– Да, – я скривился. – На нижний уровень. Там склад.

– Это далеко?

– Не в том дело, что далеко или близко. Просто... – я невесело вздохнул, – неладное что-то там творится. Не люблю туда ходить.

– Максим Григорьевич, голубчик, если это опасно... – начал было старик.

– Раньше было не очень опасно, но ведь все меняется...

Появление Главного в сопровождении Лизы прервало нашу милую беседу.

– Как там? – я кивнул в сторону кубрика.

– Спит, – Главный не стал больше ничего объяснять, а поискал глазами обещанную ему крышку от котелка.

– Держи, – хозяйственный Леший не позволил крышке затеряться и теперь вновь протянул ее ханху.

Кашу мы поглощали молча. Я обратил внимание, что все устроились лицом к черноте подземного комплекса, оружие положили рядом. Странное дело, но нервозность моих товарищей передалась и мне. Пришлось призадуматься, неужели так подействовала история, рассказанная Главным, или у меня просто начинают сдавать нервы?

Не мудрено, что я вздрогнул, когда Фомин вдруг заговорил:

– Вы точно знаете, где искать корабли ханхов? – бывший банкир переводил взгляд с меня на Лешего и обратно.

– Тебе не кажется, что уже несколько поздно вато задавать этот вопрос? – я иронично хмыкнул.

– Пока мы границе Проклятых земель. Еще есть возможность вернуться. – Ища поддержки, Фома поглядел на сидевшего рядом Петровича, но тот лишь неопределенно пожал плечами.

– Ты согласен отказаться от последнего шанса? – я в упор поглядел на оппонента.

– Если вы не знаете, где именно находятся корабли...

Фомин не договорил, так как его перебил Главный:

– Крестonosцы прекратили поиск Гроба Господня, когда до него оставался всего один шаг.

– Он знает, что говорит, – я не удержался от улыбки.

– Какие еще, нахрен, крестonosцы! – Фомин вскипел. – Вы знаете, где искать эти гребанные корабли или нет?

– Я знаю, – спокойно ответил Главный.

– Видали! – довольно осклабился Петрович. – Какого я вам проводника подогнал!

– Спасибо, – мне вновь захотелось улыбнуться. Эх, Петрович, простота! Знал бы ты кто кого подогнал!

Закончив выскребать свою миску, я стал подниматься на ноги.

– Э-э-э! У нас же было полчаса! – возмутился Нестеров.

– Да сидите себе на здоровье, – успокоил я милиционера. – Это мне надо подготовиться.

Оставив свою команду, я поплелся в одну из кладовых. Совсем небольшое помещение, раньше тут размещалась солдатская каптерка. Отсюда и вешалки для униформы, полки для фуражек, вещмешков и прочего солдатского имущества. Правда, сейчас половина из них была пуста, припорошена пылью и затянута паутиной. Но зато на второй половине в идеальном порядке были разложены всякие полезные вещи, а также изобретенные мной приспособления. Некоторые из них как раз и предназначались для спуска на нижний уровень.

Только я протянул руку за одним из них, как электролампочка под потолком замигала. Тут же послышались перебои в работе генератора. Продолжением всего этого стала плотная непроницаемая тьма и тишина. Я тут же схватился за автомат, прислушался. Подозрительных звуков вроде слышно не было. Со стоянки звучали лишь приглушенные дверью голоса и чертыхания.

– Что там у вас? – не двигаясь с места, прогорланил я.

– Бензин закончился! – крикнул в ответ Леший. – Сейчас зальем!

– Давайте, поживее! – я облокотился о стенной шкаф и стал ждать.

КуриТЬ хотелось жутко. Да только вот нечего. Запасы Лешего мы с ним на пару благополучно приговорили. А Фома не курит, здоровье свое драгоценное бережет. Вот и не распорядился по этому поводу. Цирк-зоопарк, обидно! Ведь у его горилл на Рынке не только трава с могильников имелась, а и самые что ни на есть настоящие сигареты, довоенные...

Я болезненно поморщился, облизнул губы и постарался не думать о «лечебном» дыме, так сладко наполняющем, согревающим легкие. Мечты-мечты, где ваша сладость? Мечты ушли, осталась гадость. Притом не просто гадость, а еще и крошечная тьма, в которую мне сейчас предстояло тупо пялиться.

Первые мгновения и впрямь казалось, что мрак был плотным, непроницаемым. Но затем, когда глаза немного пообвыкли, я заметил легкое зеленоватое свечение. Оно выглядело словно небольшая лужица, разлитая возле дальней глухой стены.

Я задумчиво глядел на это пятно и припоминал свою первую встречу с «трясиной». Тогда я порядком испугался. Еще бы не испугаться, когда бетонный пол под ногами вдруг превращается в жижу, и ты понимаешь, что начинаешь быстро в ней грузнуть. Можно ли утонуть в таком болоте? Кто ж его ведает, может и можно. Но реальная опасность та, о которой я знал на сто процентов, заключалась совсем в ином. «Трясина» ведь движется, переползает с места на место. Поверхность, которую она раззела, вновь приобретает свои первоначальные свойства. Один раз для эксперимента я воткнул в «трясину» лопату. В центре площадки №4 она так и стоит по сегодняшний день, надежно вцементированная в бетонный пол. А окажись на месте лопаты мои ноги...

Именно на этом месте воспоминаний я и поймал себя на мысли, что не о том думаю. Основной вопрос, который следовало задать, должен был звучать примерно так: что аномалия делает на моем уровне? Пусть это не настоящая «трясина», а лишь крохотное напоминание о ней, но все же... Чего это она выползла из глубин танкохранилища? Раньше такого не бывало. Раньше... Тут я вспомнил о времени, прошедшем с момента моего последнего визита вниз. Сколько же уже минуло? Месяца три, а то и четыре. Да-а-а, многовато! За этот срок обстановка на нижнем уровне могла существенно измениться, и конечно же не в лучшую сторону.

В этот момент дали свет, а из-за двери вновь послышалось деловитое урчание генератора. Появление света рассеяло мое пасмурное настроение. Аномалии внизу явно разрослись, ну да не беда, возьму с собой Главного. Он тоже кое в чем шурупают. Так что, как говорится, прорвемся!

Я тут же стал собирать все то снаряжение, за которым пришел. Прежде всего заземление. Удача, что я сделал три комплекта. Почему три? Потому что металл ржавеет быстро, а когда нет времени, лучше взять новый комплект, чем чистить старый. Следующими на очереди были: пригоршня предварительно намагниченных гвоздей, три аэрозоли, три черенка от лопат, на конце каждого из которых был прибит длинный и тоже намагниченный гвоздь. И последнее, не менее важное... я привстал на носочки и добыл с верхней полки потертую солдатскую шапку-ушанку. Одна... А ведь надо три или на худой конец две. Вторая шапка валялась в ведре с мусором. Отправил я ее туда после того, как обнаружил, что внутри завелась желтая плесень. Вообще-то желтая это не черная, слегка подванивает, да и только, но ведь не жжется. С этой мыслью я выудил из мусорки потерявший товарный вид головной убор, отряхнул его, продышался от распространившегося по каптерке запаха мертвечины и решил, что подготовка вылазки завершена.

– Это что такое? – Леший, а вместе с ним и все остальные участники нашей экспедиции с недоумением разглядывали доставленное мной барахло.

– Высокие технологии от полковника Ветрова, – отшутился я. – Давай, подходи, будем экипироваться.

– Я? – Загребельный без особого восторга ткнул себя пальцем в грудь.

– Ты, Олесь и я. Втроем пойдем.

Мой выбор «добровольцев» основывался не только на их персональных качествах и пригодности для данной конкретной миссии. Не последнее место здесь занимало еще и подсознательное желание держать Нестерова и Главного подальше друг от друга. А то мало ли как дело обернется, особенно когда нас с Лешим не будет рядом.

– Максим Григорьевич, может все-таки не стоит рисковать? – Серебрянцев вновь высказал свои подозрения.

– Даниил Ипатиевич, – вздохнул я, – на нижнем уровне мы уж как-нибудь постараемся не вляпаться. А вот если, к примеру, завтра у нас на пути разляжется «тьень» или погонится «шайтан», вот тогда без щита нам точно полный... Ну, вы понимаете.

Вместо ответа старик понурил голову и стал глядеть на свои старые потрепанные сандалии. В этот момент я подумал, что хорошо бы ему раздобыть сапоги. Сандалии сейчас как-то не в моде. Последний писк это кирзаки или берцы.

Подумав об этом, я поглядел на свои собственные сапоги, перевел взгляд на ботинки Загребельного, затем на всю его экипировку и, спохватившись, приказал:

– Раздевайся. Живо! Форма одежды номер два! И ты, Олесь, тоже.

– Это зачем? – насупился подполковник ФСБ.

– Надо, раз говорю, – показывая пример, я первым стал стягивать с себя одежду.

Прежде чем надевать заземление, я основательно надраил контактные пластины, вернее, те их стороны, которые прилегали к телу. Только когда ржавый налет исчез, я стал облачаться.

Одна пластина на спину, другая на грудь. Соединены они между собой цепями, перекинутыми через плечи. Еще одна цепь, только потолще, зацеплена за нижний край наспинной пластины и волочится по земле на манер длинного крысиного хвоста. Чтобы пластины не ходили ходуном, по бокам они стягивались веревкой. Вот и вся конструкция: просто, надежно, функционально.

Моему примеру последовали и Леший с Главным. Первый с некоторым недоверием, второй спокойно и деловито, как будто уже сто раз пользовался этим или аналогичным приспособлением.

– Там внизу что, опять «сварка»? – Леший попрыгал и металл на его теле скорее заскрежетал, чем зазвенел.

– Нет, – я отрицательно покачал головой.

– Тогда что? Зачем заземляемся?

На этот вопрос я ответить не мог, просто не знал ответа. Идея с заземлением пришла чисто интуитивно и, как выяснилось, оказалась весьма удачной. Без заземления внизу можно было вытерпеть лишь минут десять, а потом... Что происходит потом, лучше было не вспоминать.

Проверив правильность крепления пластин, я разрешил одеваться.

– Бронник можешь оставить, – предложил я Загребельному, когда увидел, что тот тянется за бронежилетом.

Леший поглядел на меня, на Главного, осознал, что из защиты у нас только лишь ватник, да непромокаемый плащ, и отложил жилет в сторону.

– Там эта штука не понадобится, – подбодрил я приятеля. – Гарантирую. И вещмешок тоже.

– А что понадобится?

– Вот это, – я сунул другу баллончик дезодоранта и щуп с прибитым на конце гвоздем. – Да, и еще вот это... – на щупе, как на вешалке, тут же повисла солдатская шапка.

Так уж вышло, что схватил я именно ту ушанку, которую побила желтая плесень. Получилось не очень по-дружески, но что ж теперь поделаешь! Менять уже было как-то неудобно.

Загребельный сразу почуял вонь, исходящую от моего подарка, и поморщился:

– А без шапки никак нельзя?

– Нельзя.

Вторую шапку я передал Главному, а себе на голову натянул свой старый танкистский шлемофон.

– Все? Готовы?

На мой вопрос Загребельный с Главным ответили короткими кивками.

– Что ж, тогда, как говорится, с богом!

Я поцеловал Лизу и первым шагнул навстречу темноте.

Глава 3

На нижний уровень можно было попасть двумя путями: либо двинуть по огромной дуге автотранспортного туннеля, либо спуститься по узкой крутой пешеходной лестнице. Я выбрал туннель. Хотя этот путь был гораздо длиннее, но зато и гораздо надежнее. Его не могла закупорить никакая аномалия, в то время как на лестнице то и дело появлялась «трясина» или «Дед Мороз», а то чего доброго и «сухостей» повеет. Нет, все же для экскурсий вниз я предпочитаю туннель.

Сперва мы шли молча. Тишину подземного комплекса нарушил лишь звук шагов да позвякивающее скрежетание волочащихся за нами цепей. Лучи фонарей выхватывали из темноты то участки бетонного пола, то серые стены с бездонными дырами распахнутых дверей, то зарешеченные клетки мощных грузовых подъемников.

– Слышь, Максим, – через полсотни шагов Леший не выдержал и заговорил: – Как ты тут шастаешь в одиночестве? Жутко ведь до усрачки!

– Жутко? – я ухмыльнулся. – Эх, друг мой Андрюха, я ведь помню хранилище совсем другим. Это моя вотчина, мой, так сказать, загородный дом.

– Скорее погреб. Картошку тут хорошо хранить. Мыши от страха передохнут, – буркнул Леший и осветил на решетку одного из подъемников. – Лифт что ли?

– Лифт, – я кивнул, хотя в темноте это вряд ли кто-нибудь мог разглядеть. – Здесь их восемнадцать. По три на каждой площадке. Предназначены для эвакуации техники в случае, если основные выезды буду заблокированы.

– А сколько всего выездов?

– Четыре.

– Четыре? – в голосе Загребельного послышалась тревога.

– Не волнуйся, – успокоил я приятеля. – Один основательно завален, три других надежно заперты. Объект строили на совесть.

– Помимо четырех выездов существует еще восемнадцать лифтовых шахт, а значит восемнадцать выходов на поверхность. Это знаешь ли...

– Нет никаких выходов, – перебил я приятеля. – Выпускные модули продавливаются через толщу земли при первом подъеме, а их-то пока и не было, ни одного.

– Хитро, – похвалил подполковник ФСБ. – Такого я даже у янкисов не встречал.

– Неужто доводилось «инспектировать» их объекты? – не стану говорить, что я очень удивился.

– Всяко бывало.

Подполковник ФСБ, как всегда, ответил очень уклончиво. Можно подумать, что старые секреты сверхдержав сейчас кого-то интересуют. Я подумал об этом и покосился на Главного. Почему-то до сих пор тот молчал, как рыба, и только лишь слушал, причем слушал очень внимательно. Может и интересуют, – пронеслось у меня в голове. – Только вот что кроется за этим интересом?

– Мы начинаем спуск, – мои мысли словно принудили нашего знакомого заговорить. – Полковник, как насчет того, чтобы провести небольшой инструктаж?

– Поддерживаю, – присоединился к предложению ханха Леший. – Начни с заземления. – Андрюха попробовал почесать запарившееся под металлическими пластинами тело. Через бушлат сие никак не получилось, и чекист раздраженно зашипел: – На кой черт все это нужно?

– Тихо!

Я замер на месте, так как был уверен, что услышал звук. Загребельный с Главным натолкнулись на меня сзади. Мы стояли плотной группой и шарили лучами фонарей по уходящему вглубь туннелю.

– Вы слышали? – я обратился сразу к обоим своим спутникам.

– Я нет, – ответил Главный.

– Сквозняк вроде подвывал, – сообщил о своих наблюдениях Андрюха.

– Подвывал, – согласился я. – Только, скорее всего, не сквозняк. Откуда тут сквозняку взяться? Это кое-что другое, вернее, кое-кто другой. – Задумавшись, я даже не заметил как произнес: – Любопытно, смиренный он сегодня или нет?

– На что это ты намекаешь? – Леший поудобней перехватил автомат.

– Мне иногда кажется, что этот уровень живой, что он дышит, стонет, наблюдает за мной.

– Ну, ты того... палку-то не перегибай, – потребовал Загребельный.

– Можешь сам проверить, – я опустил луч фонаря на цепь заземления, которая тащилась по бетону вслед за чекистом. – Возьми ее в руку, так, чтобы пола не касалась, и иди. Посмотрим, надолго ли тебя хватит.

Отсвет от моего фонаря упал на лицо Загребельного, и мне показалось, что тот всерьез раздумывает над моим предложением. Что так оно и есть, стало понятно буквально через несколько секунд. Подполковник и впрямь нагнулся и подхватил конец цепи.

– Не прочувствуешь на своей шкуре, не поймешь с чем имеешь дело, – очень решительно заявил он.

Смелый, чертяка! Я улыбнулся сам себе и скомандовал:

– Щуп держим прямо перед собой, как копьё, гвоздем вперед. Если шляпка начнет светиться, останавливаемся и в темпе вальса пробуем обойти аномальный участок. Если почувствуете не лице холод, сразу затаить дыхание и три шага назад.

– А аэрозоль зачем? – Чтобы освободить руки, Леший закинул цепь себе на плечо и теперь пытался сделать выбор между щупом и автоматом. Что в какую руку взять? Что сейчас более важное, а чем можно будет воспользоваться чуть погодя?

– Аэрозоль это мой вам подарок.

– С подполковником вроде все ясно, – процедил Главный. – Он получил дезодорант, а вот со мной... Ветров, может растолкуешь, для чего мне средство от тараканов?

– Ничего личного, – от негромкого гаденького смешка удержаться так и не удалось, и это даже несмотря на всю серьезность ситуации, на все ловушки и опасности, скрывающиеся буквально по-соседству. – Например, у меня полироль для мебели. А для чело все это надо? Потом поймете. – Я осветил своих компаньонов фонарем. – Ну что, готовы? Тогда двинули потихоньку!

Половину туннеля мы прошли без приключений, и у меня слегка отлегло от сердца. Видать, на нижнем уровне все было не так печально, как я ожидал. Удача! А та «трясинка», что я повстречал в каптерке...

– Черт побери! Вот зараза! – Неожиданный возглас Лешего прервал мои мысли.

– Что еще?

– Вляпался во что-то. Ты не предупреждал, что у тебя тут коровы гуляют. Нагадили прямо посреди дороги.

– Стой и не рыпайся, – приказал я и тут же добавил: – Всем погасить свет!

Зеленоватая лужа проявилась на пятой или шестой секунде темноты. Она была довольно большая. Разлилась практически во всю ширину туннеля, а кое-где, вконец обнаглев, даже вскарабкалась на стену.

– Это что за хрень такая? – Леший выругался, но дисциплинированно выполнял мой приказ и оставался стоять на месте.

– Сдавай назад! Выбирайся из лужи!

Мое новое распоряжение Загребельный выполнил с куда большим энтузиазмом, чем первое.

– Вроде выплыл, – стало слышно, как Леший топает по бетону, пытаюсь очистить ботинки.

– Успокойся, чистые они у тебя, – я попробовал остановить приятеля.

На слово он мне не поверил. Включив фонарь, Загребельный осветил свои ноги. Берцы и впрямь оказались почти чистыми, их покрывал лишь тонкий слой цементной пыли. Заинтригованный подполковник ФСБ сдвинул луч немного вперед, аккуратно на то самое место, где до этого стоял сам. Бетон там выглядел чистым, гладким и на вид твердым, короче, таким, каким ему и полагалось быть.

– Не понял, – метр за метром Леший осматривал пол.

– Шаг вперед и загрузнешь по щиколотку, еще шаг – по колено, а дальше я не пробовал. «Трясина» называется.

– Интересно, – задумчиво протянул Главный.

– Ничего интересного, – отрезал я. – А ну, Андрей Кириллович, гаси фонарь!

Новый приступ темноты заставил «трясину» проявиться вновь, и я с раздражением отметил, что для прохода нам оставалась лишь узкая полоса у одной из стен. Да и ту с минуты на минуту могла поглотить ненасытная аномалия.

– За мной, бегом марш! – скомандовал я и первым кинулся вдоль берега зеленоватого озерца. Чтобы пройти, пришлось буквально прилипнуть к стене, скрести по ней пуговицами, пряжками и стволами автоматов.

Когда же «трясина» наконец осталась позади, Леший позволил себе поинтересоваться:

– А назад как?

– Разберемся, – заверил я приятеля и включил фонарь.

– Неуютно тут как-то становится, – пробурчал Андрюха и последовал моему примеру.

Погоди, то ли еще будет, – подумал я и мельком глянул на цепь заземления, которая все еще продолжала висеть у Лешего на плече.

Чертовщину, которая творилась на нижнем уровне, Загребельный реально стал ощущать шагов через тридцать. Сперва в тишине подземелья прозвучал щелчок предохранителя на его автомате. Сразу же после этого подполковник начал судорожно дергать лучом из стороны в сторону. Складывалось впечатление, что чекист пытается кого-то засечь, что этот неведомый некто появляется лишь на мгновение, а затем прячется внутри бетонных стен. Страхи приятеля мне были очень даже знакомы и понятны. Что-то подобное чувствовал и я, когда спускался сюда раньше без всякого снаряжения.

О том что мы ступили на площадку №4, подсказало ставшее вдруг необычайно гулким эхо от шагов да разметка на полу. К этому моменту Леший вообще раскис. Он тяжело дышал, вжимал голову в плечи, все время дергался и вот-вот мог начать палить из автомата. В кого? Уверен, что этого он не знал и сам.

Сжалившись над приятелем, я снял цепь заземления с его плеча и бросил ее на пол. Среагировав на звук падения, Загребельный рванул оружие, однако я был готов к этому и не дал стволу развернуться в нашу с Главным сторону.

– Отставить! – чтобы Леший хоть немного очухался, пришлось гаркнуть ему в самое лицо.

Тот вздрогнул и ошарашено замер, но, слава богу, спустя всего несколько секунд облегченно расслабился.

– Ну-ну... все уже. Проехали, – я успокаивающе похлопывал Андрюху по спине, а сам пытался продышаться от «изысканного аромата» желтой плесени.

– Они на меня смотрели, – наконец выдавил из себя подполковник, не замечая никого и ничего вокруг. – Они были везде. Они что-то пытались со мной сделать. Они ненавидели меня.

– Да кто они? – не выдержал Главный, который в последние полчаса почему-то не отличался особой разговорчивостью.

– Не знаю, – Леший обреченно понурил голову. – Сейчас я не могу вспомнить.

– Хорошо работает твое изобретение, – похвалил меня ханх.

– Ты знаешь, что тут творится? Что за невидимки облюбовали этот уровень?

– Пока нет, – признался Главный.

Ответ его прозвучал как-то не очень уверенно, и я подумал, что это не совсем так. Возможно, ханх о чем-то все-таки догадывался, только говорить не хотел. Интересно, почему?

Однако эта мысль занимала меня совсем недолго. Следовало побыстрее выполнить работу – добраться до складов, а затем валить отсюда подобру-поздорову. Я поднял палку так, чтобы гвоздь на ее конце оказался чуть повыше моего лица и первым шагнул вглубь подземелья. Склад, что мы искали, находился на площадке №5, а значит до него еще топать и топать.

Мои спутники двинулись следом. Наверное со стороны мы выглядели какими-то первобытными туземцами, вооруженными примитивными копьями. Наша троица, крадучись, пробиралась по глубокой темной пещере и отчаянно надеялась, что она не облюбована ни пещерным медведем, ни саблезубым тигром.

Мы шли прямо через центр площадки. Луч моего фонаря строго следовал по разметке, а фонари моих компаньонов выхватывали из темноты шеренги массивных колонн слева и справа. Вроде было все тихо и пустынно, ни одного живого существа вокруг, ни единого даже самого малейшего движения или шороха. И все же по спине упрямо ползли крупные мурашки. Они возникали от непонятого, неведь откуда берущегося чувства чьего-то присутствия, недоброго взгляда. Так бывает, когда оказываешься в одной комнате со своим лютым недругом. Вам приходится терпеть друг друга, но всеми потрохами, самой кожей вы чувствуете неприязнь, отвращение и угрозу исходящую друг от друга. Конечно же, я знал, что так и будет, и мысленно готовился ко встрече с нижним уровнем, а вот Леший и даже Главный... Для них все это стало полной неожиданностью, жутью, от которой подрагивали руки, а по телу ползли крупные мурашки. Я это точно знал, потому как помнил свои первые послевоенные визиты в это место.

Мы благополучно миновали площадку №4 и вошли в новый транспортный туннель. Набитые через трафаретку надписи на стенах, жгуты кабелей, забранные в решетки светильники. Фонари лишь на секунду выхватывали их из темноты, и только лишь на долю секунды я задерживал свой взгляд на всем этом. Основное внимание было приковано к палке, которую я держал в руке, вернее, к гвоздю на ее конце. Тут мне вдруг пришло в голову, что надо бы предупредить идущих за следом товарищей, а то небось плятятся по сторонам, а о главном совсем забыли. Только я открыл рот, как слева-сзади послышался короткий возглас очень похожий на негромкий всхлип.

Понять, почему у Главного получился именно этот звук, не составило особого труда. Он проворонил, прошляпил «Деда Мороза» и вдохнул ледяной, словно жидкий азот воздух.

Чтобы как следует разобраться в ситуации, времени уже не оставалось. Пришлось прыгать прямо на звук. До какого-то там спецназовца, который во мгновение ока сшибает противника одной хитрой подсечкой, мне было далеко, поэтому все, на что сподобился старый танкист, был толчок в живот. Будто игрок в регби, я ударил Главного плечом и, продолжая это движение, толкнул его, что есть силы. Во время своего броска голову я старался держать как можно ниже. Потому как если уж и меня накроет, то весь наш поход за запчастями рискует закончиться весьма и весьма печально.

На пол мы повалились вместе. В неверном свете оброненных фонарей я увидел как серебрится иней на лице и шапке моего подопечного. Радовало лишь одно – Главный дышал. Я чувствовал это по его часто и конвульсивно вздымающейся груди.

– Что случилось? – Леший осветил нас и тут же ринулся на помощь.

– Назад! – я вскинул руку, останавливая приятеля. – Не двигайся! Подними палку и следи за гвоздем.

Загребельный так и сделал. Он даже, как я и учил, стал водить ею из стороны в сторону.

– Вот и молодец, – переводя дух, я наблюдал за приятелем.

– Да что за хрень тут твори... .

Леший не успел договорить. Гвоздь на конце его щупа вспыхнул бледно-голубым мертвенным сиянием. За ним потянулся полупрозрачный, но четко различимый шлейф.

– Отходи, – скомандовал я.

Не дожидаясь пока Андрюха выполнит этот приказ, я стал оттягивать Главного подальше от аномального участка. Отступив метра на три, мы оказались в относительной безопасности. «Дед Мороз» движется медленно, да к тому же не спускается к самому полу. Для того чтобы преодолеть эти три метра, ему потребуется четверть часа, не меньше.

– Как он? – голос Загребельного прозвучал совсем рядом. Видать, Андрюха не только пятился назад, а еще и постепенно приближался к нам с Главным.

– Живой, – на вопрос чекиста ответил сам пострадавший.

– Хорошо, что живой, – я одобрительно похлопал своего подопечного по холодной и влажной от подтаявшего инея груди и стал подниматься на ноги.

– Что это было? – когда острота момента спала, Леший вновь вернулся к своему вопросу.

– «Дед Мороз», – выдохнул я.

– Кто?

– Название сам придумал, – мне пришлось сознаться. – А что, не нравится?

– Да мне насрать как называется, – признался подполковник. – Ты лучше растолкуй, что это за штука такая и чего от нее можно ожидать?

– Доставай баллончик, в смысле аэрозоль, – вместо ответа потребовал я. – Или ты думаешь я ее тебе просто так дал?

С этими словами я нагнулся и забрал у Главного его «Дихлофос». Во время падения мой полироль вывалился из кармана и куда-то закатился. Теперь искать его в темноте было крайне затруднительно.

Зажав в одной руке фонарь, а в другой серебристый цилиндр с черной стрелой и изображением лежащего кверху лапами таракана, я покосился на приятеля:

– Готов?

Леший кивнул.

– Свети в пол и равномерно распыляй смесь прямо перед собой. Начинаем по моей команде.

Я сделал шаг вперед, затем еще полшага, а когда почувствовал, что в лицо повеяло холодом, нажал на дозатор баллончика.

В первое мгновение в воздухе вспыхнуло лишь небольшое серебристое, искрящееся вмиг замерзшими капельками пятно. Но я продолжал уверенно вжимать клапан и все насыщал и насыщал ядовитым туманом пространство впереди себя.

Похожее на тучного средневекового монаха создание материализовалось прямо из клубящегося ледяного тумана. Разглядеть детали, как всегда, не представлялось возможным, только общие контуры тела. Однако, даже невзирая на всю нечеткость и расплывчатость этой странной фигуры, становилось понятным: ледяной монстр тянет к нам свои ужасные хищные руки.

Я был готов увидеть это страшилище, а вот Леший... Андрюха так и не нажал на спуск своего дезодоранта. Он словно каменный истукан остался стоять рядом и выпученными глазами глядел на демона, которого я выудил уж неизвестно из какого мира. Ладно, я простил подполковнику эту его слабость и выдавил остатки «Дихлофоса» в пространство по соседству с привидением. Там тут же возникла вторая фигура. Точно такое же страшилище, только гораздо большего роста. Остатков аэрозоли хватило лишь на воссоздание его мощного торса.

Через несколько секунд ледяной туман стал оседать. Привидения тут же смазались, превратились в белесые вертикальные мазки, которыми художник закрашивает неудавшееся полотно.

– Срань Господня! – протянул наконец пришедший в себя Леший.

– Эльфы, – подал голос все еще лежавший на полу Главный.

– Какие еще нахрен эльфы... – начал я и сразу осекся. – До меня вдруг отчетливо дошло, что ханх знает этих уродов, и название «эльфы» это ни какая-то там случайно пришедшая на ум метафора, а имя собственное, данное давным-давно. – Ты их знаешь? – Я наклонился к Главному. – Давай, выкладывай!

– Помоги встать, – мнимый белорус протянул руку.

Когда мы с Лешим поставили его на ноги, Главный прижал ладони к своему побелевшему лицу и попытался его отогреть. Я выделил ему на это занятие ровно десять секунд, по истечении которых раздраженно рявкнул:

– Не тяни! Говори, что знаешь об этих бестиях! Они настоящие? Живые? Опасные?

– Если бы это были настоящие эльфы, то мы все были бы мертвы, – пробубнил ханх. – Они не выносили присутствия чужого разума, они считали себя единственной расой, достойной власти над этой планетой, а в перспективе и над всей вселенной. Мы так и не смогли переломить их агрессивность.

– Стоп! – выдохнул я. – Ты сказал «над этой планетой». Ты имел в виду Землю?

– Она тогда называлась несколько по-иному, – Главный подвинул мою руку с фонарем так, чтобы луч не бил ему в глаза. – Эльфы ваши предшественники. Их жизненный цикл был прерван около семи миллионов лет тому назад, и планету стали перестраивать под углеродные формы жизни.

– То есть под нас? – подал голос молчавший до этого Леший.

– То есть под вас, – согласился ханх.

– Я где-то слышал, что жизнь на Земле насчитывает не один миллиард лет, – подполковник ФСБ усомнился в словах инопланетного гостя.

– Каждый мир должен иметь свою собственную историю, – Главный немного виновато улыбнулся. – Мы никогда не забываем об этом позаботиться.

– Значит, все эти окаменелые динозавры...

– Выражаясь вашим языком, это липа, подделка.

– Выходит, наша планета заселялась несколько раз? – Правда о птеродактилях и всяких там бронтозаврах, конечно, была очень интересной, но сейчас меня занимало нечто совершенно иное.

– Шесть, если быть абсолютно точным, – на лице Главного отразилось сожаление. – Одни расы уничтожили себя сами, другие были признаны опасными и...

– Значит, и мы опасные? – осклабился Леший. – Как по мне, так отзыв весьма лестный.

– Нет, – ханх отрицательно покачал головой. – Вы относитесь к первой категории, разница лишь в том, что вместе с собой вы готовились уничтожить саму планету, наш шедевр, нашу гордость.

– Угораздило же... – Леший многозначительно хмыкнул. – Родились бы на планете попроще, может вы бы о нас и забыли.

Ханх ничего не ответил, только печально усмехнулся. И по этой его ухмылке, по огонькам, блеснувшим в глубине глаз, я понял: черта с два, Создатели никогда не забывают о своих творениях.

В этот момент луч одного из фонарей случайно коснулся плеча Загребельного. И оно заискрилось первыми кристалликами молодой изморози.

– Берегись!

Я схватил Андрюху за грудки и рванул его сперва на себя, а когда тело подполковника разогналось, то и дальше, в черноту за моей спиной. Леший был мужиком не из мелких, под два метра ростом и боле сотни килограмм веста. Такого просто так не толкнешь. Именно поэтому он остановился в шаге за моей спиной, именно поэтому он и спасся.

Щуп, который мой приятель продолжал держать в руке, вдруг засиял ярким голубым светом. Настолько ярким, что дураку было понятно – Андрюха сунул его в «Деда мороза» по самое нехочу.

– Сзади! – выкрикнул подполковник, попятился и врезался в мою спину.

Удача, что я видел все это и не стал тратить времени на расспросы. Подхватив свою палку, я стал водить ею из стороны в сторону, пытаюсь определить, откуда именно напозаает аномалия. В то что эльфы вдруг ожили и задумали разделаться с нами, я не верил. Скорее всего, из бездны пространства-времени выползали островки их диковинного давным-давно погибшего мира.

Самый первый результат этих исследований заставил сердце гулко екнуть. «Дед мороз» подбирался с двух сторон, причем аномальные участки были невероятно большими. Таких я раньше не встречал. Они походили на две огромные ладони, спешащие прихлопнуть трех надоедливых букашек.

– Бежим! – я рванул в направлении площадки №5, и это совсем не из-за того, что мы направлялись именно туда. Только в огромном подземном боксе имелась возможность маневра. Перспектива быть прижатыми к бетонным стенам транспортного туннеля меня вовсе не радовала.

Громыхая волочащимися по бетону цепями, мои компаньоны мчались следом. Главный светил под ноги, а Леший помогал отслеживать аномалии. Я вел щупом справа, он слева. Сперва гвозди лишь тускло мерцали, но уже через дюжину шагов засветились как настоящие голубые факелы.

– Коридор сужается! – вскричал подполковник.

– А ну, поднажали!

Другого рецепта у меня, увы, не находилось. Спасти нас могла лишь скорость. Когда бешено скачущие лучи фонарей перестали наткаться на бетонные стены, стало понятно, что туннель заканчивается, впереди стоянка №5, и может именно там нам повезет.

Глава 4

Нам действительно повезло. Ворвавшись в огромную подземную галерею, я заметил, что голубой факел в моей руке стал угасать. Аномалия осталась за спиной. Правда только с одной стороны, но и это уже кое-что.

– Назад пути нет, – Леший водил шупом по широкой дуге, наглядно демонстрируя, что коридора, по которому мы только что прошли, больше не существует.

– Может к тому времени, когда будем возвращаться, и разойдется, – отдуваясь, пропыхтел я.

– Может? – Андрюха рывком обернулся.

– Может, – повторил я. – Или ты хотел получить какие-то гарантии?

– Куда дальше? – своим вопросом Главный остудил горячую голову моего приятеля и одновременно с этим напомнил о цели нашего турне на нижний уровень.

– Вон туда, – я указал лучом вглубь площадки.

Фонарь был довольно мощный, но даже он не позволил разглядеть детали. Было лишь ясно, что впереди преграда, стена, да и только, больше ничего конкретного.

Пересечь площадку №5 сегодня оказалось не так уж легко и просто. Часть ее затопила «трясина», вплотную к которой примыкал довольно большой участок эльфийского мира. После настойчивых поисков, в ходе которых я два раза проваливался в зыбучую бетонную жижу, а Леший едва не отморозил себе пальцы, мы выяснили, что попасть к дверям склада можно только в обход, двигаясь вдоль стен. Протяженность этого крюка составит метров восемьдесят, и дать гарантию, что ни одна из аномалий вдруг не сдвинется и не перекроет нам путь, было невозможно. Но с другой стороны просто сидеть и ждать – выход тоже далеко не из лучших.

– Ладно уж, семь бед, один ответ, двинули! – после некоторых колебаний я принял решение.

Мои компаньоны молча повиновались. Похоже, они даже были рады, что кто-то другой взял на себя ответственность, сделал выбор.

Мы продвигались очень осторожно, проверяя как окружающее пространство, так и твердость пола. Когда половина пути оказалась позади, внезапно возникло ощущение, что худшее уже позади и до заветного склада электрооборудования мы доберемся без приключений. Не знаю откуда оно взялось, но подействовало настолько, что мы вновь начали разговаривать друг с другом, обсуждать увиденное и пережитое.

– Это все эльфы, – задумчиво протянул Леший. – Это они глядели на меня, ненавидели, стремились сломать, подчинить любой ценой.

– Вот и мне так сперва показалось, – я шел первым, простукивал пол, прощупывал чернильно-черную пустоту впереди. – Только потом подумалось – чушь все это. Этих уродов ведь не существует в реальности. А, Олесь? Прав я или нет?

– Скорее всего не существует, – ответ Главного прозвучал не очень уверенно, да еще и это его «скорее всего»...

– Тебя что-то смущает?

– Только одно – понимание того, кто такие эльфы.

– И кто такие эльфы? Просвети нас забитых и необразованных, – прогудел из темноты Леший.

– Эльф это аббревиатура и расшифровывается она как: «Элодио ларио форе», что в переводе означает «Энергетически активная система».

– Интересно.

В моей интерпретации «интересно» стало синонимом «непонятно» или даже «ни хрена не понятно». Ханх почувствовал это и пояснил:

– Эльфы способны манипулировать энергией своего тела, ее количеством и видом. Таким образом, они были должны совершенствоваться, идти по пути эволюции.

Услышав это объяснение, я понял, что вновь ничего не понял. Черт его знает почему. Может, из-за отсутствия научного склада ума, а может потому, что думал совсем о другом, ждал иного ответа.

– И как все это связано с тем, что твориться здесь, на нижнем уровне? – пришлось сформулировать вопрос более конкретно.

– Прессинг, который мы ощущаем на себе, это тоже энергетическое поле. Очень странное поле. В это же время и в этом же месте возникают фантомы эльфов. Скажу честно, мне бы очень не хотелось обнаружить связь между этими двумя фактами.

– Эльфы... – подполковник ФСБ как бы попробовал на зуб это слово. – Интересное название.

– Название как название, – буркнул я, в то время как сам раздумывал, или лучше будет сказать, пребывал под впечатлением от слов Главного. – Не хуже кентавров, львов или, к примеру, «Деда Мороза».

– Хуже, намного хуже, – не согласился Леший. – Не удивительно, что его знает Олесь. Он ведь у нас Создатель, ханх, бог и так далее и тому подобное. Но вот откуда название «эльф» взялось в языке людей?

Услышав этот вопрос, я резко затормозил и стоял так пока Андрюха деликатно не похлопал меня по плечу.

– Дошло, наконец? – снисходительно поинтересовался он.

– Дошло, – я обернулся и слегка отодвинул Загребельного. Когда тот убрался в сторону и перестал загораживать Главного, я спросил ханха, пристально глядя тому в глаза: – Вы создали эльфов, затем убили их. Все это было давным-давно. Но откуда о них знаем мы, люди? Сказочные персонажи? Черта с два! Весь этот фольклор не настолько живуч, чтобы протянуть семь миллионов лет.

– Это уже третий факт, который мне тоже совсем не нравится. Над всем этим стоит серьезно поразмыслить, – ханх произнес эти слова очень медленно, едва ли не по слогам, из чего стало ясно, что он уже размышляет и, причем, весьма интенсивно.

Следующим шагом на пути к истине стал эксперимент. Главный подхватил волочившуюся за ним цепь заземления и оторвал ее от пола. Проделав это, он замер, закрыв глаза. Луч фонаря освещал его лицо. Не полностью конечно, а снизу, так, как в былые времена малолетние шалуны пугали друг друга. Мы с Лешим были уже далеко не дети, но тем не менее в этот миг и нам стало не по себе.

Лицо Главного вдруг исказила жуткая гримаса. По началу я не мог определить что именно он чувствует. Растерянность? Не похоже. Страх? Отчасти. Однако все это были лишь оттенки чего-то большего, гораздо более мощного. Но чего? Я присмотрелся к лицу ханха и вдруг вздрогнул от неожиданного открытия. Цирк-зоопарк, никакие это не чувства или эмоции, сейчас Главный ощущал боль, одну лишь боль и больше ничего. Его не пытались изгнать из подземелья, как это делали со мной и Андрюхой, его отчаянно стремились прикончить, убить прямо здесь и сейчас.

– Он умирает! – вскричал я. – Андрей...

Загребельный среагировал молниеносно. Он стоял всего в шаге от Главного, а поэтому вырвать у того цепь было для подполковника делом одной секунды. Да и ханх держал ее уже совсем не так крепко, как прежде. Эхо от моего крика еще только отправилось гулять по темному подземелью, а его уже догонял звук ударившихся о бетон железных звеньев. Как только цепь коснулась пола, Главный дернулся и стал медленно оседать.

– Падает! – я ринулся к ханху.

Само собой Леший успел первым. Я вцепился в плечо Главного, когда тот уже надежно висел на мускулистой руке чекиста. Андрюха успел схватить его даже не выронив ни щупа, ни фонаря. Оба этих предмета сейчас были крепко зажаты в левой руке подполковника ФСБ, и он в меру возможности пытался прощупать ими окружающее нас пространство.

– Нет, это не «Дед мороз», – успокоил я друга.

– Догадываюсь, но проверить все равно не мешает, – Загребельный закончил свои исследования и встряхнул ханха: – Эй, приятель, ну, ты как? Живой?

– Кажется, – промямлил тот в ответ.

– Давай не раскисай, экспериментатор гребаный! Нам идти надо, – Леший произнес это и с опаской огляделся по сторонам. – Чего-то мне здесь нравится все меньше и меньше.

То ли страхи Загребельного передались мне, то ли я и сам что-то почувствовал... не знаю. Только лишь в глубину души закралось какое-то подозрение, гадостное предчувствие. Что-то приближалось. И это были совсем не аномалии. Это было что-то более мощное, огромное, жуткое.

– Давайте живо вперед! – проревел я и потянул Главного по тропинке, которую мы себе наметили.

Проходя мимо туннеля, ведущего на самую дальнюю площадку №6, мне буквально затрясло от чувства опасности. Я знал, что эта площадка сейчас самое глухое место подземного танкохранилища. Транспортный туннель, который соединял ее с поверхностью, был наглухо завален. В этом я убедился во время своего первого и одновременно последнего визита туда. Было это очень давно, почти два года назад. Мысль о том, что я совершенно не в курсе того, что сейчас творится на площадке №6, заставила ускорить шаг. Это была плохая новость. Хорошая же заключалась в том, что мы уже почти добрались до своей цели.

Склад электрооборудования находился за широкой металлической дверью. Оно и понятно, ведь некоторые узлы и блоки, которые здесь хранились, попадали в список с грифом «секретно». Дверь сюда поставили мощную, и просто так ее было не взломать. Хотя этого и не требовалось. Ключ от склада традиционно хранился в соседнем пожарном щите.

Я сорвал плашку с пластилиновой печатью, справился с замком и отворил дико застывшую, давно позабывшую о смазке дверь. Не входя внутрь, осветил просторное помещение, заставленное ящиками и стеллажами. Покопался в кармане телогрейки, добыл оттуда пару хорошенько намагниченных гвоздей и зашвырнул их в дальний конец склада. Не оставив ни малейшего следа, гвозди канули в темноту. Порядок! Аномалий пока вроде нет. Приободренный этой удачей, я приказал своим напарникам:

– Оставайтесь здесь. Следите за входом и прилегающей территорией. Не хватает еще, чтобы нас тут зажало. – Отдавая этот приказ, я с сочувствием поглядел на Главного. – Ну как, полегчало?

– Почти в норме, – тот вымученно улыбнулся.

– Потом расскажешь, когда выберемся. – Я не стал дожидаться ответа, развернулся и шагнул в темноту склада.

Список, который мне вручил Серебрянцев, я помнил наизусть, но на всякий случай все же достал бумажку из заднего кармана моих трофейных джинсов и осветил ее лучом фонаря. Пальцы заметно дрожали, и это служило неоспоримым доказательством того, что побывавший в моей душе страх никуда не исчез. Он так там и остался, как ржавый осколок, который вот-вот может вызвать заражение крови, а затем лютую мучительную смерть. Отогнать эту, мягко говоря, не совсем уместную сейчас аллегория можно было лишь одним способом, а именно, сосредоточившись на работе.

Я поставил фонарь на одну из полок с таким расчетом, чтобы он освещал как можно большую площадь, и стал опорожнять один из больших деревянных ящиков. Требовалась надежная

тара. Времени очень мало. О том чтобы добывать необходимые запчасти прямо здесь и сейчас не могло быть и речи. Да и голыми руками это не сделаешь, тут нужны соответствующие инструменты. Так что, никуда не денешься, будем брать целыми блоками.

Первыми в ящик полетели комплектующие от автомата зарядания пушки: распределительная коробка, пульт загрузки и два электромагнита. За ними последовали запчасти от комплекса активной защиты «Арена-Э» и силовые шины от инфракрасных прожекторов «Шторы», преобразователь напряжения от «Рефлекса» и преобразователь тока ПТ-800. Сверху я грузанул бухты с кабелями, запаянные в пластик реле и конденсаторы. Подумав немного, бросил наверх пару ЗИПов. Пожалуй все. Я подцепил ящик за приделанную к боковине ручку и поволок его к выходу. Груз был тяжелый, по крайней мере для меня одного. Но ведь, цирк-зоопарк, нас же трое! Так что ничего, дотянем.

Леший встретил мое появление вопросом, который на удивление не относился ни к весу, ни к общему количеству загруженных мной запчастей.

– Что находится там? – Андрюха посветил в сторону туннеля, мимо которого мы протопали минут пятнадцать назад.

– Площадка №6, – предвидя новый вопрос приятеля, я добавил: – Изолирована. Второй вход завален наглухо. Самолично проверял.

– Видать не так уж и наглухо, – подполковник ФСБ покачал головой. – Оттуда идет звук. Там словно что-то ворочается.

Я привык доверять Загребельному, но сейчас все же оглянулся и поглядел в лицо второго моего компаньона. Подтверждая слова чекиста, Главный кивнул.

– Что ж, тогда давайте уносить ноги и побыстрее, – в моем совете не было ничего оригинального.

– Проверь, может аномалии передвинулись и теперь можно пройти напрямик, не приближаясь к проходу на шестую? – быстро сориентировался Леший.

– Проезду, – поправил его я и тут же приказал: – Туши фонари.

В наступившей темноте «трясина» светилась сплошным бледно-зеленым ковром. Шеренги массивных железобетонных колонн торчали из нее, словно стволы мертвых деревьев на каком-нибудь старом гнилом болоте. Насколько я понял, вся эта зыбучая прорва слегка передвинулось к противоположной от нас стене. Сие означало, что Леший оказался прав. Теперь для возвращения назад открылась прямая, чистая и беспрепятственная дорога. Правда, насчет беспрепятственной это я несколько поспешил. Еще существовал «Дед мороз», и если он встанет на нашем пути...

Надеясь на лучшее, я швырнул один из предусмотрительно припасенных гвоздей в то место, откуда уже уползла «трясина». Гвоздь пролетел шагов пять-шесть и вспыхнул как падающий метеор. Оставляя за собой голубой светящийся след, он полетел на пол. Я слышал, как тоненькое стальное тельце звякнуло о бетон.

– Попробуй еще, – прошептал Леший у меня над самым ухом.

Я понял почему он шепчет. На площадке №6 и впрямь что-то шевелилось, и не просто шевелилось. Эта штука ползла, медленно, но уверенно приближалась к нам.

Второй, отправленный в полет гвоздь, тоже засветился. Произошло это на уровне соседней со складом двери. Кажется, то была небольшая мастерская.

– Все, отрезаны! – Загребельный подвел неутешительный итог моим экспериментам.

– Теперь только ждать.

– У нас нет времени ждать, – подал голос Главный. – ЭТО уже близко.

Я метнул взгляд в черноту транспортного туннеля и уловил пока едва различимое, но становящееся все более ярким белесое свечение, которое приближалось снизу. Ему аккомпанировало зловещее, похожее на змеиное шипение. Звук слышался через равные промежутки

времени, от чего казалось, что это хрип, дыхание или шаги. Вот только разве бывают такие странные шаги?

– Прячемся! – прошипел Леший и потянул меня и Главного внутрь склада.

Да, пожалуй, это был единственный выход. Бетонная стена и надежная металлическая дверь. Может они и сдержат ЭТО. Что скрывается под понятием «ЭТО» я конечно же не знал. Если существо окажется из плоти и крови, пусть даже ядовитой или радиоактивной, то у нас оставался шанс разделаться с ним силой своего оружия. Если же к нам в гости пожалует аномалия... Тогда все, как говорится, сливайте воду.

Дверь захлопнулась, отрезая нас от ужаса, который словно волна накатывал на площадку №5. Замок щелкнул полагающиеся ему два раза. В этот момент я почувствовал себя одиноким путником, который заслоняется зонтом от срывающего крыши урагана. Вроде бы спрятался, однако что стоит эта защита против той силы, которая находится сейчас за дверью? А то, что она уже там, не оставалось ни малейшего сомнения. На площадке что-то шипело, скрежетало, фыркало и храпело. В щель под дверью пробивался тот самый бледный белый свет, только теперь он колебался, мигал, будто снаружи работал небольшой стробоскоп.

Мы стояли ни живые, ни мертвые. На площадке явно что-то происходило. Вот только что? И какие последствия это действие могло иметь лично для нас? Следовало что-либо предпринять или лучше сидеть тихо и смиренно будто мыши? Не знаю как уж так произошло, но страх в моей душе вдруг мутировал, переродился в безумное, дикое желание узнать правду. Повинуясь именно этому порыву, я и сделал шаг вперед.

– Куда тебя нелегкая несет? – зашипел Андрюха и ухватил меня за рукав телогрейки.

– Стоит взглянуть, – я потянулся к барашку накладного замка.

– Если заметят... – начал было подполковник.

– Кажется я догадываюсь что происходит, – перебил я приятеля.

– Ну?

– Там «трясина». Она как раз перед выездом с шестой площадки.

– Ты полагаешь...

– Да. Эта штука в нее вляпалась.

– Что же это такое может быть, если завязло в «трясине»?

– Вот именно это я и намерен выяснить, – мои пальцы уже плавно вращали небольшое металлическое колесико.

Дверь я решил приоткрыть всего на какой-то сантиметр, только чтобы взглянуть. Не зная к чему готовится, чего ожидать, мозг непроизвольно рисовал самые невероятные картины. По большей части все они опирались на накопленный опыт, на знание различных аномалий и чужеродных форм жизни. Однако все видения, все чудовища, рожденные моим воображением, спасовали перед тем, что открылось взгляду в реальности.

Я увидел огромный, белый с призрачным голубоватым отливом шар или ком, который, извиваясь и разбрасывая в разные стороны длинные тонкие как плети щупальца, пытался выбраться из ставшего жидким и вязким бетонного пола. Сперва было даже невозможно разглядеть что это такое. Свет, который исходил от монстра, слепил привыкшие к темноте глаза. Так что потребовалось где-то с полминуты, чтобы понять – передо мной машина. Это точно был какой-то механизм. Я заметил наползающие друг на друга металлические поверхности, изобилующие диковинными выштамповками, накладками, решетками и форсунками. Торчащие из округлого тела щупальца были тоже искусственными. Они присоединялись к корпусу с помощью хитрых шарнирных приводов. Предназначение этих конечностей оставалось непонятным. Они были чересчур хлипкими для ног и слишком неуклюжими и малоподвижными для рук. Именно эти недостатки и не позволяли монстру выкарабкаться из «трясины». Да и наверняка весу в нем было тоже порядочно. Подумав о весе, я понял, что очень не уверен в данном вопросе. Не уверен просто потому, что не знаю действительно ли передо мной насто-

ящая машина или ее невесомый фантом. Но если это фантом и притом невесомый, то какого хрена он тонет в «трясине»?

– Срань господня! – голос Лешего прозвучал откуда-то сверху.

Живая человеческая речь отрезвила, позволила отделаться от растерянности и оторопи. Да и не только речь. Словно нашатырь в нос шибанула вонь желтой плесени. Шапка, блин! Как только Андрюха ее терпит? Привык что ли? По обоим этим приметам стало понятно, что Загребельный рядом. Пользуясь своим превосходством в росте, он навис надо мной, да какой там навис, он практически вдавил меня в стальную створку двери, а сам поверх моей головы тоже пялился в щель.

– Что это такое? – выдохнул я, вдруг осознав, что самостоятельно мне на этот вопрос не ответить.

– Спросил бы чего полегче, – пробубнил Леший в ответ. – Ясно одно. Этой штуке не выбраться, она все глубже и глубже уходит в «трясину».

Это была истинная правда. Многоногая, а может многорукая машина уже погрузилась практически наполовину. Учитывая ее размеры, это метра на три. Цепкая хватка «трясины» мне была хорошо известна, и я отчетливо понимал, что вырваться из нее у металлического ежа нет ни малейшего шанса.

– Дайте посмотреть, – Главный положил мне руку не плечо.

– Это можно.

Я отпихнул Лешего, да и сам собирался посторониться. Однако не успел. Подполковник ФСБ решил все по-своему. Он с силой толкнул тяжелую дверь. Послышался скрип несмазанных петель и тонкая щель, через которую мы только что глядели, превратилась в наполненный мерцающим белым светом портал. Это и впрямь казалось порталом в другой мир, и мы стояли на его пороге. Сзади царство мрака, впереди урбанистические железобетонные джунгли, населенные невиданными механическими чудовищами.

– Цептон! – выдохнул Главный, глядя на бултыхающееся в трясине страшилище. – Это же цептон!

– Ты знаешь эту тварь? – мы с Лешим спросили практически одновременно.

– Знаю, – ханх кивнул. – Они жили на Земле. Давно. Еще до эльфов.

Тот кого Главный назвал цептоном сразу же отреагировал на наше появление. Он оставил попытки выкарабкаться. Практически все гибкие плети полезли в нашу сторону. Мы попятились и разом вскинули оружие. Хотя, черт его знает, могла ли эта штука причинить нам вред или мы ей. До меня наконец дошло, что ее металлическое тело полупрозрачно и сквозь него, хотя и очень размыто, можно видеть разметку на полу и стоящие по соседству колонны. Такого не бывает у живых материальных объектов, такая прозрачность это киношный трюк для бестелесных духов и призраков. Название «призраки» вызвало легкий приступ паники. Как говорится, помяни черта... Я мигом пробежался взглядом по черноте огромного хранилища. Нет, показалось. На площадке №5 сейчас находился лишь только один монстр.

– Он живой? Он опасен? – прорычал Леший, и этот вопрос, конечно же, был адресован ханху.

– Скорее всего это проекция, – отозвался тот.

– Какая еще к дьяволу проекция! – Леший держал чудовище на прицеле. – Он ведь нас видит! Он тонет в «трясине». Реально тонет, прямо здесь и сейчас.

– А вот это мы постараемся проверить.

Я выудил из кармана несколько гвоздей и запустил ими в цептона. Мои маленькие металлические снаряды не натолкнулись на препятствие и пролетели сквозь бледно светящееся тело. Затем они беззвучно провалились в «трясину», и никаких вспышек.

– Не понимаю, – Главный опустил свое помповое ружье и обреченно покачал головой.

Проделанный мной эксперимент, а также, прямо скажем, бедственное положение, в котором оказался цептон, придали нам некоторую уверенность, если не сказать спокойствие. Монстр... или как это выразился Главный? Проекция была вроде как безопасна. В душе даже появилась какая-то жалость. Не каждый может просто так стоять и равнодушно смотреть, как гибнет разумное цивилизованное существо.

– А их-то вы за какие грехи грохнули? – вопрос Лешего стал далеким отзвуком моих мыслей.

– Они уничтожили себя сами, – негромко ответил ханх. – Похоже это судьба большинства цивилизаций, выбравших технологический путь развития. – Главный ничего не сказал о человечестве, но и без того стало понятно, что мы тоже угодили в этот «элитный» клуб самоубийц.

– Да он себя из болота вытянуть не может, – пробурчал подполковник ФСБ, намекая на то, что ханх слегка преуменьшил свое участие в судьбе цептонов.

– Их мир был совсем другим, – пояснил Главный. – Малая сила гравитации и очень плотная атмосфера. Цептоны буквально плавали в ней, касаясь поверхности лишь кончиками механических конечностей.

Не знаю как на Лешего, но на меня эта информация произвела сильное впечатление. Создатели или, как мы их привыкли называть, ханхи действительно перестраивают планету что называется от самого фундамента. Как и предполагал Серебрянцев, уже через двадцать лет здесь невозможно будет дышать, а может даже и находиться на поверхности. Все зависит от того, кто все-таки выиграет тендер на заселение уже полностью освободившихся территорий. Но нет! – Я встрепенулся. – Нам обещали, что этого не произойдет. Мы поможем ханхам, а они позабудут о своих планах. Земля будет спасена, и на ней мы построим новый мир. Совсем новый, не похожий на все, что было в прошлом. И грош нам цена, если мы не поймем, не научимся на своих ошибках!

Я тут же обернулся и нашел глазами ящик с запчастями, который одиноко стоял у порога склада. Пора! А то что-то наша экскурсия уж очень затянулась.

Прежде чем взяться за деревянную рукоятку, я проверил дорогу назад. Брошенный гвоздь не вспыхнул, не засветился. Значит «Дед Мороз» ушел, и мы можем отправляться в обратный путь.

Как проводнику, который лучше всех ориентировался в темном подземелье, а также по причине недавнего ранения, полковнику Ветрову досталась самая легкая работа – идти первым и прошупывать пространство впереди. Леший с Главным тащили набитый железом ящик и старались от меня не отставать.

На выходе с пятой площадки я всей спиной почувствовал чей-то взгляд, потому и обернулся. Мои компаньоны пыхтели в нескольких шагах позади и смотрели только себе под ноги. Кому-кому, а им сейчас было явно не до меня. Выходит, померещилось. Нервы, вот такой цирк-зоопарк. Я хотел уже повернуться и продолжить путь, как вдруг взгляд мой натолкнулся на бледно-светящееся сюрреалистическое, невероятное в самом факте своего существования создание.

Цептон уже практически не двигался. «Трясина» продвинулась еще дальше, и большая часть полупрозрачного привидения оказалась накрепко вмуровано в серый бетон пола. Как такое могло произойти, я не понимал. Неведома мне была и дальнейшая судьба этого толи миража, толи затерявшегося в лабиринтах времени, гостя из далекого прошлого. Однако была одна вещь, которую я понял наверняка – сидящее внутри механического тела существо смотрело на меня. Именно на меня. У цептона не было глаз, но как-то он ухитрился это делать. А может это и не взгляд вовсе? Может мысленный контакт? Скорее всего, потому как я совершенно точно знал, что он прощается и еще... он желал мне удачи.

Глава 5

Когда мы наконец дотащились до «Логова», было уже совсем поздно. «Экскурсия» на нижний уровень заняла около трех часов. Это гораздо больше, чем я рассчитывал. Цирк-зоопарк, досадно! Похоже все планы летят к чертовой бабушке. Завтра мы не сможем выехать в десять утра. Будет уже удачей, если тронемся после обеда.

Я тяжело вздохнул и поднял глаза на пятно света, которое приближалось и разрасталось, становилось все более ярким и контрастным. Все громче тархтел бензиновый движок, все отчетливее виднелись контуры боевой техники и фигурки суесящихся рядом с ней людей. Нас заметили, и навстречу кинулись двое. Я узнал их без труда: Лиза и Анатолий Нестеров. Девушка подбежала первой и сразу повисла у меня на шее.

– Максим, ты цел! Где ж ты так долго? – об телогрейку у меня на груди она вытерла неожиданно наворачнувшуюся слезу.

– Ну-ну, будет тебе, глупыш! Чего сырость разводишь? – я прижал Лизу к себе и ласково погладил ее по голове.

– Я испугалась, – призналась моя подруга. – Очень испугалась. Понимаешь, этот приборчик... Ну, тот что ты мне подарил... Рамка в коробочке... Она вдруг стала вращаться. Быстро вращаться. Это ведь плохо. И я уже хотела к вам на помощь бежать...

– А я ей не позволил, – майор милиции грузно протопал мимо.

– Спасибо, – я с искренней благодарностью поглядел на Анатолия.

– Не за что, – буркнул тот. – Неужто я не понимаю, здесь на Проклятых рамка может реагировать на что угодно. А у этой дурёхи шило в одном месте, только дай куда-нибудь бежать. – После этих слов милиционер переключил свое внимание на взмыленных Лешего и Главного. – Давайте с ящиком подсоблю, что ли? А то, гляжу, счастья на ваших рожах еще меньше чем на похоронах.

Нестеров отодвинул в сторону ханха, который и впрямь выглядел как выжатый лимон, и уцепился за деревянную рукоять.

– Ну что, ФСБ, взяли?

– Давай, – вяло согласился Леший и потянул свою сторону вверх.

– Ого! Награбастали вы однако! – заметил милиционер. – Весит как целый танк. – Нестеров бурчал, хотя на вид не прикладывал особых усилий. Тащил здоровенный ящик так, словно это был невесомый надувной шарик на ниточке.

– Второй раз туда лезть мне что-то не охота, – я обнял Лизу за плечи и двинулся вслед за товарищами. – Так что брал с запасом, все что может пригодиться.

– Ага, – кивнул милиционер. – Серебрянцев уже заждался.

– Да, работа ему предстоит серьезная, – согласился я. – Обязательно помогу, как только закончу с пулеметами.

Мы уже вступили на освещенный участок, поэтому произнося эти слова я невольно бросил взгляд на свой старый верный БТР-80. Бросил и слегка опешил. Что за цирк-зоопарк? Из грязной исцарапанной башни торчал новенький, отливающий вороненой сталью ствол крупнокалиберного КПВТ.

– Это кто же... – начал было я, но Нестеров перебил.

– Петрович постарался. В этом деле он сечет не хуже тебя, – Анатолий покосился на меня и улыбнулся. – Я ему помог, а то бандура тяжелая. Калашников, кстати, тоже поставили. Так что теперь пулеметы лишь пристрелять осталось. Но мы с этим делом решили погодить. А то вы могли пальбу услышать, да штаны обмочить.

– Привести к нормальному бою, – я сделал вид, что не расслышал шутку о мокрых штанах.

– Чего? – не понял милиционер.

– Пулеметы надо приводить к нормальному бою, деревня. Это ты свой табельный ПМ пристреливай. А тут дело намного сложнее.

Я разговаривал с Нестеровым, а сам думал над его словами. Петрович, вот значит кто обслуживал все оружие Рынка, в том числе и крупнокалиберные «Корты», установленные на «Центральном». Что ж понятно, подготовка у майора мотострелковых войск должна быть соответствующая. И БТР видать знает. Вот только нечего самовольно копаться в моей машине! Помошничек, блин, гребаный!

Мелкособственнические чувства так основательно завладели моей персоной, что поднявшегося навстречу Петровича я встречал суровым, почти грозным взглядом. Под стать ему стал и вопрос:

– Я ленты приказал снаряжать. Ну и как? Сделали?

– Работаем, товарищ полковник, – просто ответил майор. – Стеллажи БТРа уже забились полными коробками. Сейчас снаряжаем второй боекомплект. Я всех задействовал. Личному составу все равно делать нехрен.

Доклад Петровича вмиг развеял мое плохое настроение и напряженность, причем настолько, что я даже смог пошутить:

– Как показал себя наш молодой боец? – я кивнул в сторону бывшего банкира, который обреченно тыкал 7,62-миллиметровые патроны в черную, пахнущую бензином ленту.

– Он делает успехи, – понизив голос так, чтобы не расслышал его шеф, ответил майор и усмехнулся самыми уголками губ.

– Все становится на свои места. Все идет правильно, – я пристально поглядел в глаза офицеру. – Ты так не считаешь?

– Дай то бог, – прошептал Петрович и потупил взгляд.

Дай то бог, – повторил я мысленно и как-то сразу опомнился. Кстати, о боге... Где он там? Куда запропал?

Главный доплелся до первого же оказавшегося у него на пути ящика и грузно на него плюхнулся. Его раненная рука начала кровить, от чего бинт стал похож на темно-красную губку. Ханх зубами пробовал развязать узел на повязке, чтобы ее перемотать.

– Лиза, возьми аптечку и помоги ему, – девушка по-прежнему продолжала висеть у меня на руке, да еще к тому же мы с ней не сговариваясь изучали одного и того же человека.

– Ага, сделаю, – моя подруга чмокнула меня в небритую щеку и рванулась в сторону пациента.

– Стой, – я придержал девушку. – Как там Павел?

– Спит, – Лиза ответила очень легко, можно даже сказать беззаботно. – Я давно не видела, чтобы он так сладко спал. Это словно как много лет назад, когда он был совсем маленьким.

– Хорошо, пусть спит, – я удовлетворенно кивнул. – Ему это на пользу, – а сам про себя подумал: Цирк-зоопарк, все-таки этот сукин сын, Главный, знает что делает. Мы для него как куклы из пластилина. Сам слепил, сам сломал, сам в случае чего и починить сможет.

Уязвленная гордость человека подтолкнула к, прямо сказать, не очень благородной мысли: Может, зря я Лизу напрягаю? Ханх прекрасно справится со своей рукой и без ее помощи. Однако моя подруга уже ушла, и дурацкая идея остановить ее сразу же куда-то улетучилась. Может потому, что и впрямь была дурацкая, а может ее просто загнал без вести скрипучий немолодой голос:

– Максим Григорьевич, нам без вашей помощи тут не разобраться, – Даниил Ипатиевич Серебрянцев напористо отгеснил от меня майора мотострелка.

– Так уж и не разобраться?

– Время, товарищ полковник, время!

Пожилой ученый демонстративно показал на свое запястье. Помнится, раньше там действительно красовались старенькие часы. Только они разбились в тот самый черный для всех нас день... Я припомнил, как мы стояли над телом Серебрянцева и оплакивали его смерть. От этих воспоминаний улыбка с моей небритой рожи мигом сползла. Ипатич прав, время поджимает.

Прежде чем пополнить ряды ремонтников энергетического щита, я должен был поставить задачу всем остальным членам нашей команды. Да, конечно, они устали. Петрович, Нестеров и Загребельный, к примеру, уже почти двое суток не смыкали глаз. Ну что ж тут поделать? На войне как на войне! Переведя взгляд на мотострелка, я приказал:

– Майор, на складе... – я указал рукой в сторону вереницы выходящих на площадку дверей и уточнил: – Помещение №24. Там у меня запчасти к БТРу хранятся. Не так уж и много, но кое-что есть. Так вот, вы с Нестеровым прикатите два... – я вспомнил о крышке порванной гребаным вьюнком и спохватился: – нет, отставить, три колеса. Выберите те, что поновей. Еще, фары. Они в деревянном ящике слева от входа. Сделаете, покажу как устанавливать.

– Ну, ты уж совсем... – с обидой в голосе протянул офицер. – У меня в батальоне полтора десятка таких «восьмидесятки» было. В моторах я, конечно, не очень волоку, но колеса и оптику это как два пальца... дело знакомое.

– Ладно, не обижайся, комбат, – я хлопнул Петровича по плечу. – Откуда же я знал, что ты не штабная крыса. – Сказал, а сам подумал: как откуда? По трюку с пулеметами все стало ясно и понятно. Так что предлагая свою руководящую и направляющую роль в деле замены колес, это я бесспорно сглупил. Видать усталость, черт бы ее побрал!

Петрович уже двинулся к Нестерову, как я вдруг вспомнил:

– Майор, и «Тучу» с башни снимите. Ее в блин сплющило. Нахрен она нам теперь такая нужна! Вес только лишний.

– Лады! – мотострелок устало кивнул.

К этому моменту мне уже окончательно удалось придушить в себе куркульские, антиобщественные позывы. Сознание прояснилось, и я даже стал подумывать: Чем черт не шутит, может все-таки сумеем выдержать график и поутру в путь-дорожку.

Тут взгляд натолкнулся на стоящего рядом Серебрянцева. Старик нетерпеливо переминался с ноги на ногу и укоризненно хмурил сой исполосованный морщинами лоб. С видом полным сожаления и раскаяния я приложил руку к груди и попросил:

– Еще минута. Последнее распоряжение, – отыскав глазами Лешего, я махнул ему рукой: – Андрей! – когда тот подошел, я указал в сторону промытых в бензине и разложенных для просушки пулеметных лент. – Давай бери всех незанятых делом и заканчивайте со вторым боекомплектом. Прежде чем укладывать в коробки лично проверяй. Патроны должны лежать ровно и ни в коем случае не выпадать из гнезд. Снаряжением лент для КПВТ займись самолично. Выравниватель тут кое для кого это невиданное чудо техники, – с этими словами я покосился в сторону одинокой фигуры в дорогой туристической куртке, корпящей над полуснаряженной лентой для ПКТ.

– Угу, – Леший даже не прореагировал на шутку. Он слушал меня в пол уха, а сам думал о чем-то своем.

– Э, ты чего? – я толкнул приятеля.

– Хреновато тут как-то у тебя, – протянул ФСБшник.

– Не понял?

– Не понравилась мне наша экскурсия вниз.

– А-а-а, вот ты о чем.

– Макс, ты видел сколько там эльфов? – чекист упорно не хотел именовать ледяную аномалию «Дедом Морозом». – И еще, цептон этот откуда-то взялся... Что, так и раньше было?

– Не было, – со вздохом сознался я и через шлем почесал затылок, по крайней мере попытался это сделать.

– Вот-вот, – Леший кивнул. – Я, конечно, займусь боекомплектom, но после этого начну загружать БТР. Боеприпасы, взрывчатка, запасные стволы, плюс все то имущество, что мы из него выволокли. Надо быть готовыми к худшему.

– Может лучше утром? – я с сомнением поглядел на приятеля. – Аномалии никогда не поднимались снизу.

– Все когда-нибудь случается впервые, – Загребельный поглядел на свои ручные часы. – Сейчас двадцать один ноль восемь. Часа за полтора мы с лентами разберемся. Так что время останется.

– На Лизу не рассчитывай, – предупредил я. – Отправишь ее на кухню. Пусто что-нибудь перекусить приготовит. Так что в твоём распоряжении остаются только Фомин и Главный.

– Неважно, – Андрюха спокойно махнул рукой. – И втроем справимся.

На том наш разговор и закончился. Правда только лишь разговор. Беспокойство приятеля, его подозрительность переползли ко мне как кусучие клопы. И теперь я мучился, не зная как с ними совладать. Может, покончив с ремонтом, перегнать машину поближе к выходу и ночевать уже там? Или еще вариант – рвануть транспортный туннель между третьей и четвертой площадкой. Взрывчатки на это дело у меня должно хватить. Поразмыслив над этой затеей, я болезненно скривился. Цирк-зоопарк, не хочется отрезать себя от складов нижнего уровня. А вдруг еще пригодятся? Да и аномалии... Они ведь приходят совсем не через туннели, лестницы и коридоры. Вспомнить хотя бы ту «трясину», которая повстречалась мне в каптерке.

– Максим Григорьевич! – голос старика ученого вывел меня из задумчивости. – А о чем это товарищ подполковник говорил? Какие эльфы? Какие цет... цеп... – Ипатич никак не мог вспомнить мельком услышанное слово.

– Цептоны, – помог я младшему научному сотруднику и сразу же постарался удовлетворить его любопытство: – Это феномены такие непонятные. Их можно повстречать на нижнем уровне.

– Феномены? – переспросил всегда жадный до знаний ученый. – Черт, жалко что я с вами не пошел. Очень бы хотелось понаблюдать, поэкспериментировать.

Этого еще не хватало! – подумал я. – Там бы вас, уважаемый профессор, кандражка и хватила.

За этой «милой» беседой мы не заметили как подошли к доставленному снизу ящику. В нем уже копался Блюмер. Аспирант Харьковского авиационного института доставал блок за блоком, внимательно рассматривал их и складывал на две кучи. Судя по всему, в одну из них попадали устройства, предназначение которых Сергею было понятно, в другую те, что ожидали когда в их судьбе примет участие квалифицированный эксперт.

Этот самый эксперт склонился над ящиком и, кряхтя, вытянул из него тяжелый ПТ-800.

– Значит так, – я понадежней перехватил двадцати пяти килограммовый агрегат. – Даниил Ипатьевич, Сергей, вы пока меняйте перегоревшие шины, конденсаторы, реле и прочую мелочевку, а я начну потрошить блоки. Тут некоторые неразборные. Так что придется резать.

Так и поступили. Я утащил свою добычу к стоящему неподалеку от генератора тяжелому и массивному столу, превращенному в верстак, а оба научных сотрудника, нескладные и неловкие, вскарабкались на броню «302-го». Еще несколько раз метнувшись туда и обратно, я перетащил к «хирургическому столу» все электроблоки, нуждавшиеся в срочной трепанации, затем перетянул поближе коробку с инструментами, подключил к переходнику старенькую «болгарку» и принялся за работу. Эх, ломать не стоит!

Я вывинчивал болты, вскрывал стальные кожухи, извлекал индукционные катушки и диодные выпрямители, а сам в это время думал и надо сказать по большей части совсем

не о работе. Мозг словно сам собой еще и еще раз прокручивал видеозапись давешнего похода на нижний уровень. В ходе него довелось узнать много интересного. Например, что Земля перестраивалась и заселялась уже шесть раз. И еще, что эльфы это не добрые светлые красавцы из древнего эпоса, а сочащиеся ненавистью отвратительные чудовища. В компанию к этим страшилищам следует добавить еще одного персонажа по имени цептон. Тут я наморщил лоб, как будто от первых уколов приближающейся мигрени. На самом деле причиной этому стала мысль, которая беспардонно вползала или, вернее будет сказать, вламывалась в мою голову. Выглядела она примерно так: а кого это мы вообще видели внизу? Эльфы и цептон – это кто или что? Аномалии? Дудки! Не попадают они под разряд природного феномена. Перенесенные в наше время существа из далекого прошлого? Нихрена! Тогда они были созданиями из плоти и крови, а сейчас материальны мне чем дымок от папиросы. Может это, эти, как их там... нейтринные фантомы? Тогда почему они нас видят и реагируют на наше присутствие?

Чем больше я думал, тем больше склонялся к выводу, что внизу находится что-то иное, отличное от известных, ставших уже привычными понятий. Иное... Хм... Я прикусил губу. Что же это может быть иное? Может Главный знает? Подумав о ханхе, я скосил глаза вбок. Мнимый белорус сразу попал в поле зрения. В этот момент он как раз вскрывал герметичные пакеты с патронами. Главный был задумчив и молчалив, можно даже сказать угрюм и работал словно запрограммированный автомат.

Точно знает, – сделал я вывод после беглого физиономического анализа, – или, по крайней мере, догадывается. Надо будет поговорить. Потом. Когда наладим щит или лучше утром, потому как после сегодняшнего столь тяжелого и богатого на события дня у меня вряд ли останутся силы еще и на этот подвиг.

Сил и впрямь было не так уж и много, поэтому все их остатки я решил мобилизовать для помощи Серебрянцеву и его молодому напарнику. Сперва просто потрошил блоки и таскал запчасти двум ученым, а когда крушить стало нечего, вскарабкался на броню и принялся помогать там. Понять как работает щит даже не пытался, словно робот выполнял поставленные передо мной задачи. То, за чем я следил, так это лишь надежно привинтить, качественно припаять, добротнo заизолировать. Все, на большее меня уже не хватало! Я потерялся во времени. Не мог сказать сколько часов миновало с начала работы. Наверное много, по тому как со временем рядом появились новые люди. Это был Леший со своей командой. Стараясь как можно меньше нам мешать, они стали загружать в люки БТРа коробки второго боекомплекта и все прочее отобранное подполковником имущество.

В какой-то момент получилось, что бронетранспортером занималась практически вся наша команда, и боевая машина стала похожа на муравейник, по которому ползали восемь полудохлых от усталости муравьев. Правда так продолжалось недолго. Первыми отстрелялись Петрович с Нестеровым. Минут через двадцать после них Загребельный, Фомин и Главный. Все они предлагали свою помощь в ремонте щита, но наш бригадир ее не принял. Серебрянцев сказал, что осталась лишь тонкая деликатная работа с электромагнитными ловушками, и ее должны выполнять специалисты.

Глядя на старика, я только удивлялся. Годков ему шестьдесят восемь, последние пару лет жил как дикарь в голоде и холоде. Успел даже два раза побывать на том свете, а держится круче, чем все остальные. Странно. Непонятно. Именно после этого самого «непонятно» в моем мозгу и проскользнула одна прямо скажем фантастическая мысль. А вдруг секрет Ипатича именно в его двукратном воскрешении, которое проводил неведомый и таинственный Хозяин леса? Кто знает, это существо могло так подремонтировать организм старика, что он сейчас потянет на шестнадцатилетнего пацана, у которого энергии столько, что ввинти в задницу лампочку, она и засветится. Нет, пожалуй не засветится, – я поглядел в лицо пожилому ученому и понял, что тот тоже мертвецки устал и держится только лишь благодаря упрямству и пролетарской злости. Может все-таки посоветовать, а лучше приказать ему закончить работу

утром? Пожитки мы свои почти все загрузили, так что утром освободилось часа полтора-два. Их вполне хватит, чтобы закончить со щитом. Не долго думая я предложил этот вариант ученому.

– Нет, Максим Григорьевич, – Серебрянцев упрямо замотал головой. – Как говориться, сделал дело, гуляй смело, а лучше сказать спи. – Ученый оценивающе поглядел на меня своими голубыми глазами. – А вы с Сережей, пожалуй, идите. Тут работы для одного осталось, или вы мне отвертку с пассатижами держать собираетесь?

– Даниил Ипатиевич, я останусь с вами, – Блюмер от усталости позабыл, что у него нет левой руки. Он попытался протереть ею свои воспаленные глаза, да только ткнул в лицо культией, замотанной грязными, замаранными пятнами засохшей крови бинтами.

– Ступай, Сережа, – повторил старик и по-отечески похлопал аспиранта по плечу. – Спасибо.

Рассевшись на ящиках, мы молча поглощали макароны, на которых кое-где повисли тоненькие ниточки говяжьего мяса. Экономная Лиза положила лишь одну банку тушенки. И это на десятерых! А вообще-то правильно сделала. Макароны по-флотски это блюдо из прошлого. Сейчас-то и просто макароны это уже неслыханная роскошь.

Когда где-то рядом взревел мотор, я встрепенулся, да и не только я один. Все без исключения повернулись в сторону бронетранспортера. Словно ответом на эти взгляды стала седая голова Серебрянцева, которая выглянула из водительского люка. Затем младший научный сотрудник физического института имени Лебедева по грудь высунулся наружу и радостно нам помахал.

– Видать закончил со щитом, – догадался Леший. – Сейчас испытывать будет.

От БТРа нас отделяло метров десять. Как я понимал расстояние достаточно, чтобы не попасть в зону действия защитного поля, но все же, как говориться, береженного бог бережет.

– А ну, давайте пять шагов назад, – приказал я.

Пять не получилось, а только три с половиной. Прделав их, мы выстроились вдоль бетонной стены, той самой, за которой находился кубрик.

К рокоту мотора вдруг стал быстро добавляться посторонний гул. Сперва он лишь дополнял его, но вскоре стал доминировать и даже заглушать. Сразу после этого в окружающем БТР пространстве произошли диковинные изменения. Контуры машины сперва расплылись, затем картинка стала быстро тускнеть и в конце концов на месте «восьмидесятки» возникло переливающееся радужными пятнами овальное образование метров десять в длину и три в высоту. Складывалось впечатление, что свет, исходящий от подвешенных под бетонным сводом ламп, загустевал, превращался в жидкость, которая кипела и бурлила на поверхности огромного, выполненного из темного тонированного стекла яйца. Она словно хищное пламя пыталась разогреть, расплавить границу защитного поля.

В первое мгновение я даже... нет, не испугался, скорее занервничал. Однако потом в голову пришла мысль, что я никогда не видел работу щита со стороны. Может именно так все и должно выглядеть? В немом вопросе я уставился на стоящего рядом Блюмера.

– Он даже фотоны не пропускает, – восхищенно выдохнул Сергей.

– Все идет нормально? – осведомился я у него.

– Не знаю. Наверно, – аспирант ХАИ пожал плечами.

Тут я вспомнил, что во время нашего прошлого и пока единственного боевого применения щита Сергей находился вместе со мной внутри БТРа, а стало быть его знания в этом вопросе ничуть не больше моих.

– Все так и было, – успокоил меня Леший, единственный находившийся среди нас свидетель тех событий. – Так что система фурациклирует, будь спок! – Своим перекрученным

наизнанку «фурациклирует» подполковник дал понять, что находится в хорошем расположении духа и удовлетворен результатами всех наших трудов.

Что касается Даниила Ипатиевича Серебрянцева, то в этот вечер он не смог ограничиться первой победой, а потому еще полчаса гонял защиту на самых разнообразных режимах. Это было заметно по несколько раз менявшему размер и форму защитному экрану, а также по интенсивности свечения и скорости движения ионизированных потоков, беснующихся на его поверхности. Я не пытался торопить фанатика-ученого. Ипатич заслужил, чтобы ему позволили вдоволь насладиться творением своего ума и своих рук.

В результате отбой у нас получился поздний, около часа ночи. Однако я подумал, что на утро дел почти не осталось, и можно будет не вскакивать ни свет, ни заря, а продрыхнуть часиков так до девяти. Говоря «почти», я имел в виду завтрак и разговор с Главным. Утром то я из него вытрясу все, абсолютно все, и что знает, и даже то, чего не знает.

Глава 6

Спал я очень беспокойно, и это не смотря на то, что вначале, свалился без задних ног и вырубился в считанные секунды. Виною тому были сны, вернее один длинный и крайне неприятный сон, который упрямо не желал от меня отставать. Сперва в нем все было хорошо, даже очень хорошо. Мы с Лизой занимались любовью, и было это совсем не в затхлой канцелярии подземного танкохранилища, а на широкой мягкой кровати с шелковыми простынями в каком-то загородном доме. В окно светило яркое солнце, которое своими теплыми лучами касалось обнаженного тела девушки, заставляло играть и искриться ее роскошные темно-каштановые волосы. Глядеть на Лизу, владеть ею было великой роскошью, истинным наслаждением. И я упивался этим блаженством пока... Вот на этом «пока» все и оборвалось. За окном мелькнули злоеющие черные тени и солнце померкло.

Продолжение сна состояло из бесконечной гонки, в которой мы с девушкой абсолютно голые мчались через угрюмый черный лес. Мы спотыкались о торчащие из земли корни, вымазывались в липкую вонючую грязь, ранились об острые ветки и сучья, а по пятам неотступно, словно стая голодных гончих псов, неслась орава ужасных созданий. Я знал, что они ужасные потому как чувствовал их злобу и ненависть, природную, глубинную ненависть эльфов.

На одном из крутых косогоров я сорвался и кубарем полетел вниз прямо в лапы наших преследователей. Это головокружительное падение и послужило тем толчком, от которого я проснулся... проснулся уж и не помню в который раз за эту ночь. Сердце гулко ухало, грудь вздымалась от судорожного и частого дыхания, а на лбу выступили капельки пота. Чтобы успокоиться, позабыть привидевшийся кошмар, я попытался подумать о чем-то хорошем. Хотя бы о той, первой, самой приятной части моего сна. Лиза, ее молодое упругое тело. Я глажу его, ласкаю, целую... Но нет, чудесное видение категорически не желало возвращаться. Вместо этого память воскресила картину заброшенной грязной канцелярии, в которой мы занимались сексом этой ночью.

Это был именно секс, а не любовь. На любовь у меня не было сил, а у Лизы умения. Мы даже не раздевались. Я просто наклонил девушку, заставил опереться об один из столов, опустил джинсы и без каких-либо ласк вошел в нее сзади. Лиза мне не помогала. Похоже она оказалась полностью растерянной или даже подавленной. То ли девушка никогда раньше не занималась сексом со спины, то ли мой поступок что-то ей напомнил, что-то не очень приятное. Я вроде как и понимал это, но остановиться, сменить позу уже не мог. В те минуты мной управляли одни взбесившиеся гормоны, ни какого разума, никакой нежности и такта. Зверинные инстинкты вырвались наружу, и я не мог остановиться пока не завершил дело. После этого мы пошли спать, каждый на свою койку.

Тогда я мало что соображал, ну а вот сейчас... сейчас пришло острое чувство стыда. Цирк-зоопарк, да как же так вышло! От своего героя девчонка явно ожидала чего-то большего, чем примитивный, грубый трах. И что теперь делать? Как утром глянуть ей в глаза?

Ответ на этот вопрос я так и не отыскал, вернее мне не дали его отыскать. Все мысли перебил негромкий звук шагов. Кто-то ходил, топтался, хрустел башмаками по покрытому старым линолеумом полу кубрика. Звук не очень громкий, но все же достаточный, чтобы привлечь внимание.

Откинув тощее солдатское одеяло, я сел на койке, огляделся. В кубрике можно было видеть лишь благодаря открытой входной двери, в которую пробивался тусклый свет от стоящей неподалеку керосиновой лампы. Генератор мы на ночь заглушили, оставив часовому лишь лампу. Ах, вот это кто тут топает как слон! – догадка осенила все еще не до конца расторможенный мозг и позволила слегка успокоиться. Оставалось лишь непонятным, какого дьявола наш доблестный страж делает в кубрике, когда ему полагается быть снаружи и зорко охранять

сон своих товарищей. Мою рожу искривила болезненная гримаса. Вот же цирк-зоопарк, сейчас придется вставлять пистон нерадивому охраннику. Любимое занятие, особенно посреди ночи! Но, как говорится, долг, есть долг. В поисках разгильдяя я стал медленно поворачивать затекшую шею.

– Дядя Максим... – голос прозвучал буквально около самого моего уха, от чего я вздрогнул.

– Пашка? – Узнать говорившего по тихому шепоту, да еще спросонья, было не просто, но я среагировал на это его «дядя». Кроме Павла меня так никто не называл. – Ты как? Почему встал? – забеспокоился я о мальчишке. – Что, плохо?

– Дядя Максим, – пацан повторил еще раз и крепко вцепился в мою руку. – Что-то не так. Что-то рядом. Что-то приближается... – Пашка явно не знал, как объяснить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.